

НЕПРОСТЫЕ ИСТОРИИ 1

О самом главном

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

16+

Непростые истории

Евгения Халь

**Непростые истории о
самом главном, сборник
рассказов. Современная проза**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Халь Е.

Непростые истории о самом главном, сборник рассказов.
Современная проза / Е. Халь — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (Непростые истории)

Римляне говорили: пока дышу – надеюсь. Мы говорим: пока надеюсь – дышу. За бегом времени, дневной суетой и тяжестью забот мы часто забываем о самом главном. О жизни. О свободном взмахе рук-крыльев, о шуме ветра в ушах и брызгах солёных волн в лицо. Эти истории – напоминание о том, что мы – существуем. Пока дышим. И пока надеемся. Серия: Непростые истории

Содержание

От составителя. Вместо предисловия	5
Алексей Ладо	6
Мошка в янтаре	7
1. Метро	7
2. СО	8
3. БЕ	8
4. СЕД	9
5. НИК	10
6. Собеседник	11
Откуда берутся ангелы	12
Мария Дёмина	15
Подростки	16
Тим Яланский	22
Гуппи, любовь и конец детства	23
Евгения Кретьова	31
Танго	32
Наталья Ильина	40
Девять дней	41
Джабраил Тайсаев	46
Мама, не закрывай мне глазки	47
Солнце встаёт над рекой Хуанхэ	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Непростые истории о самом главном, сборник рассказов. Современная проза

От составителя. Вместо предисловия

В наш век тотальной спешки мы часто теряемся под грузом забот. Наш день расписан по минутам. Наши выходные спланированы на месяц вперёд. Мы всё меньше времени находимся рядом с близкими, всё чаще забываем позвонить родителям, всё охотнее отказываемся от встреч с друзьями.

Что останется после нас?

Ворох незавершенных дел и пустота.

Проект «Непростые истории» – это коллектив современных авторов, пишущих разножанровую прозу. Сборник «О самом главном» – истории о жизни, о любви, преданности. В них нашлось место юмору и грусти, радости первой встречи и горечи расставания. Наверняка, среди них вы найдёте такой, который заставит вас всплакнуть или срочно позвонить задержавшемуся после уроков ребёнку. А может, просто – отложить все дела, взять самого дорогого человека за руку и заглянуть ему в глаза. И спросить: «Как прошёл твой день?»

Под вечную музыку Вивальди пусть в ваш мир заглянут наши непростые истории.

Два такта тревожного вступления, взволнованный голос скрипки, шёпот виолончели, стремительно-размеренный как биение сердца ритм. Раз. Два. Три. Четыре...

Алексей Ладос

Совладелец литературного сайта. Рассказы опубликованы в сборниках «Синяя книга» (2014, «Дятловы горы»), «О любви» (2016, АСТ), «О бабушках и дедушках», (2018, АСТ). Лауреат поэтического конкурса Интернационального союза писателей (апрель, 2017). Дипломант международного литературного конкурса «Большой финал» (поэзия, 2017–2018). Победитель в номинации «Рассказы для детей» международного литературного конкурса «Мой аленький цветочек». Пишу разножанровую прозу, стихи, статьи. Люблю смешивать времена и поколения.

Почитать можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Almond.html>

Мошка в янтаре

От автора: рассказ записан со слов свидетеля, основан на реальных событиях. Эпиграфы являются неотъемлемой частью повествования.

1. Метро

*Метро похоже на пасть – не разжевывая, заглатывает людей
и время, пропускает через себя, чтобы выдать потом жертвы для
удобрения реальности...*

Поиск, вы говорите? Для него еще нужно найти время. И все же...

В жизни каждого человека, наверное, бывают моменты, когда застываешь, словно мошка в янтаре, и не знаешь – куда дальше-то? И как? И главное – зачем?

Янтарь – светлый, прозрачный – в своей тягучей реальности не дает развернуться крыльям. А ты ищешь выход: избавиться, отмыть липкие лапки, улететь от засасывающей патоки бытия, вырваться куда-то, где есть возможность вернуться к началу любви или приблизиться к финалу мечты, или попасть в будущее. Я не знаю. Я даже не понимаю – хорошо ли, плохо? Сахар и соль. Сладко, солоно – все равно белый яд. Янтарная смола – горькая отравка...

У меня появилось время – искать.

Машина в ремонте. Вот уже неделю я спускаюсь в метро и, пересекая кольцо, словно следопыт, ищу выход из тупика, в который загнала саму себя с горьким вкусом слов на губах – «а что дальше»?

Щелкает зубьями турникет, отправляя в подземное нутро торопящихся людей, странными реками – вниз и вверх – льются эскалаторы, «Красная стрела» несется по венам туннелей. Все движется стремительно и неизбежно: скрежещет, звенит, свистит, лязгает, хлопает. Грубо, мощно, нахально. Не люблю грубость, мощь и нахальство и потому застываю. Метро – янтарь, в котором мошки-люди замерли на ступеньках эскалаторов, на скамейках платформы, в вагонах поездов. Сначала я брала с собой книжку. Потом разглядывала непривычный для меня мир.

Интересны ли раскованность молодости и чопорность старости; лица, завернутые в газету, или взоры в никуда; попутчики на минуты; раздвинутые колени мужчин и сомкнутые – женщин?.. Руки кругом... держащие сумки и зонтики, вцепляющиеся в «своих» спутников, хватающиеся за поручни. Вагон полон. Давка, сохраняющая превосходство раздвинутых колен. Поезд, червем прогрызающий путь. Закрывать глаза...

Наблюдение душит, сжимает мозг, грозит клаустрофобией и... отступает.

Метро вдруг дает мне время для поиска, погружает в одиночество среди людей, из милосердия, наверное, ограничивает все двумя станциями: начальной и конечной, – и маленькими паузами между ними.

Начальная: уверенно шагнуть, набрав побольше воздуха в легкие.

Промежуточные: искать.

Конечная станция – край, точка настоящего. Выход в реальность, где я – другая я.

Удивительно, возвращаясь домой, я вовсе не думаю о поиске, клюю носом, как и все подземные пассажиры, но начальная и конечная станции остаются, меняясь местами, словно время выворачивается наизнанку. Я не знаю, что будет за дверью, над которой светятся неоновые буквы: «Выход». Может быть, там будет только небо...

Снова утро. Ощущение одиночества постоянно и неизменно настолько, что я придумываю собеседников – четыре ипостаси меня.

СО – сангвиник.
БЕ – холерик.
СЕД – флегматик.
НИК – меланхолик.

2. СО

Осторожно! Двери закрываются...

СО всегда сочувствует, он со мною солидарен, согласен.

– Твое прошлое прекрасно, – шепчет он, – в нем ищи будущее.

Прекрасно? Скорее, обычно, как у многих.

За спиной – нормальное детство со своими радостями и горестями. Замужество, рождение ребенка. Работа, которая нравится. Компания верных друзей. Прочитанные любимые книги. Путешествия. Я люблю лес, я люблю море. Люблю бродить по неизведанным тропкам, плести венки из одуванчиков, мочить ноги в соленой воде. За спиной взятые вершины: умница-дочь, подъем по карьерной лестнице, опубликованные книги, налаженный быт и обширные связи.

В прошлом мое молодое тело. Его любили ласкать и нежить. Мне самой оно нравилось, помню. Да и сейчас по утрам, обводя глаза рамочкой подводки, создавая маску, думаю: мне восемнадцать... ну, двадцать. Так и есть! Я себя чувствую – на двадцать. По-прежнему ловлю восторженные взгляды мужчин и завистливые – женщин. Сколько еще так будет?

За спиной был он. Самый лучший. Любимый. Подаривший мне дочь. Или я ему ее подарила? Или мы – друг другу?

Как только начинаются вопросы, лабиринт прошлого грозит тупиком, и СО нервничает:

– За спиной ли? – хмурится СО. – Может, в руках? В твоих сильных руках был он, и дочь, и друзья. И все они ощущали заботу и ласку – твою.

– И беззастенчиво пользовались, – добавляю.

СО смотрит с сожалением:

– Не пользовались. Они любили тебя: уверенные ладошки, теплые прикосновения, ясный свет глаз, советы, даже наставления.

– Да, так любили, что пальцы скрючило ранним артритом от непосильной ноши, – говорю я. Оглядываюсь. СО растворился в толпе. Пропал. – Эй! Это шутка, нет у меня никакого артрита!

Осторожно двери закрываются следующая станция...

3. БЕ

«Есть только миг между прошлым и будущим...»¹

– Аааааа! – кричит БЕ. – Какого рожна?! Чего тебе не хватает в этой гребаной жизни? Чего ты ищешь? К черту осторожность!

БЕ непостоянен, как само время.

– Беги, беги! – кричит он и тут же добавляет – Но медленно.

БЕ бесится, беснуется так, что я почти не слышу. В ушах гудит кровь. Адреналин рвет вены. Я ругаюсь с начальником, ругаюсь с продавщицей супермаркета. Побеждаю и там, и там.

¹ Слова песни Леонида Дербенева «Есть только миг»

Я сильна! Ого-го-го! Даешь! БЕ заводит и увлекает. Энергия бьет ключом, я везде – бегу, ни на секунду не останавливаюсь, кручусь как юла.

Я помогаю дочери, родителям, друзьямво всем, не жалея времени и сил. Меня ценят. Я – авторитет. У меня позитивный имидж. Дааааешь!

Я улыбаюсь влюбленному в меня коллеге по работе – Косте. Ах! Он же не должен застыть, как жена Лота. Зачем он обернулся? Зачем он молчит? Зачем застыл соляным столбом? Это же не для мужчин, это – для женщин. Между прочим, Лот потом совокуплялся со своими дочерьми, и они родили от него потомство. А я не могу – с Лотом! Я бы – с Ноем! С сильным, спасающем всех, с плечами, за которыми, как за каменной стеной. Возьми меня, Ной, на ковчег, где всех тварей по паре. Не возьмешь. Знаю. Потому что моя половинка нашла себе другую тварь. А тебе, Ной, все равно.

Не ной, не ной. Пожалуйста... – сжимаю зубы так, что становится больно. На ковчег ли я бегу? С ковчег ли? Я просто бегу и бегу, не отдавая отчета в том, что дни улетают птицами в теплые края прошлого. Но, в отличие от птиц, они уже никогда не вернутся.

Слез не удержать. Они катятся и катятся по щекам. Трудно это – быть все время впереди, на взводе, добиваться, опережать, побеждать. Хочется иногда снова застыть мошкой в янтаре, точкой протяженного настоящего. Какой выход, о чем вы? Так хорошо и уютно нестись в янтарной капле, думая, что на собственных крыльях. Сладкая мошка.

Станция. Пауза. Люди выходят и входят. Лишь я сажу, но мысленно бегу к выходу. Ищу и ищу то, что вдруг окажется однозначно правильным. Для меня.

4. СЕД

Уважаемые пассажиры!

При выходе из вагона не забывайте свои вещи...

– Сегодня можно не торопиться, – разрешает СЕД. – Давай оседлаем жизнь и просто поедем на ней? Сходи в гости, попей чайку и выпишись наконец-то.

Я ж не против. Но как только я удобно устраиваюсь на воображаемом диване, тело отдыхает, а мозг все никак не может уgomониться.

Что я есть? Что я буду?

Говорят, что я образованная. А я не читала Гомера и Джойса, но притворяюсь, что читала. Я вообще часто притворяюсь. Зачем? Наверное, потому что не хочу никого обижать. Даже давно покойных Гомера и Джойса. Моя квартира завалена книгами. Апдайк со своим «Беги, кролик, беги...» навеивает тоску заменой слова на «крольчиху». Кафка, Достоевский, Пелевин, Мураками, Маркес, Голсуорси, Маккалоу, Хемингуэй... – все вперемешку. Великие.

Ну что же вы, великие, пишете о том, что болит? О преодолении, о бессмыслице смятенных душ, об одиночестве, о преступлениях, за которыми обязательно следуют наказания, о мошках в янтаре? Почему никто из вас не написал о простом человеческом счастье? Ричарду Баху спасибо – за чайку...

Я птица, которая так и не научилась летать. Пора бы уже, в моем-то возрасте. За спиной выросли огромные крылья, но у курицы тоже они есть, а взлететь – разве что на невысокий забор.

Станция-пауза возвращает воспоминания о прошлом вечере, где я сажусь за компьютер и пытаюсь сотворить «счастье». Я ж еще и писатель, как-никак.

Подходит мой ребенок – моя дочь. Взрослая дочь, у которой за спиной тоже уже прилично. И она рядом со своею ношей. Высокая, молодая, красивая. Еще чуть-чуть – и пойдет впереди меня. Она – почка, а я дерево – ращу, питаю, пестую, чтобы вывернулась в роскошный лист и улетела. Она для меня – все. А я для нее? Спросить бы.

– Ну, мама, – говорит, – опять начинаешь, – отмахивается от вопроса. – Что ты все пишешь и пишешь?

И вот мы уже болтаем о ее подружках и парнях, об университете, о музыке, о моей работе и творчестве, о том, что у нас за спинами. Перебираем бусинки новостей, сплетен, событий, аргументов и фактов, упорядочивая прошлое. Дочь все реже спрашивает, чаще дает советы, и реже говорит о любви – ко мне. Наша любовь давно вплетена в нить жизни и закреплена.

Ночью, когда я буду одна, жгучее желание прогонит флегматика СЕДа и заполонит все до кругов перед глазами: хочу! Хочу, хочу... ну пожалуйста... Хочу юности. Хочу молодое упругое тело. Хочу куриные мозги. Хочу... Любви хочу. Дерзновений хочу, амбиций. И чтобы не осторожничать. Мне же не столько лет, сколько обозначено в паспорте, мне же двадцать...

Не хочу! Не хочу стареть, умирать не хочу... Где же ты, выход?

5. НИК

Охотный ряд. Следующая станция – Лубянка, переход на...

– Никогда, – скажет он, присаживаясь на край кровати, то есть на соседнее сиденье в вагоне. – Этого больше никогда не будет. Смирись. Ищи что-то другое, но не это, – НИК безжалостен, беспощаден, как поезд, приближающийся к конечной станции.

А если я хочу – это?!

– Да иди ты... – кричу. – Буду!

Только меланхолия уже проникла в сердце, в мозг, нанизывая не бусины событий на нитку времени, а душу на острия страха, уныния, тоски.

Жизнь, как она есть. Смирись.

За спиной три аборта и два вуза, бывший муж и бывшая лучшая подруга, родители, уехавшие к черту на кулички, долбаная карьера с приобретенной ненужной властью, одинокие тоскливые прогулки по лесу и у моря, опубликованные книжки про «счастье», получившие отзывы от читателей с единым смыслом «не верю». Вот любви мало. И видится почему-то детство и мальчик-семиклассник, застенчиво протягивающий букет чахлых фиалок.

И страсти было мало – больше притворства, как и три оргазма из озвученных пяти – вранье. Но ведь так хотелось, чтобы «крышу» сносило. Муж остался для понимания высшей математики, только ее, если захочу, одолею, а его не изучить никогда. Муж очень хотел хорошую семью, имел представление о том, какой она должна быть. А когда не получилось – поменял не свои мысли, а женщину. Меня. На другую. А когда и там не получилось... Нет! Это его уже проблемы, не мои. Одно только мучает и не дает покоя – почему, оставив меня, он оставил и дочь? Как я могла ошибиться, выбирая его из целого списка мужчин?

Никогда...

НИК, но ведь есть еще лес и море. Они-то куда не делись?

– Они вечны, – соглашается он. – Вот только у тебя от хождения боль в ногах, привыкших к машине, и варикоз, еще мигрени, близкий климакс, тубики с кремами, рост расходов на косметику, зубы в керамике, зависть к молодости, дорогие яркие платья, пониженное либидо, сублимация в творчество, повышенная фантазия, виртуальное общение и... – перечисляет НИК без всякой логики.

Наверное, он прав. Я прихожу домой, выливаю из обуви гудящие ноги. Мои одежды опускаются на пол, как тропические бабочки на ветви к ночи. Топая в душ, я сама себе кажусь возрождающейся Венерой, пока взгляд не падает на зеркало.

Конечная станция. Выход в настоящее.

Настоящее? А что это такое? Просто точка. И каждый об этом знает. Здесь и сейчас. Вот рука лежала отстраненно и вдруг оказалась на колене твоём. Точка, способная изменить все

– будущее, по крайней мере. Она лежит – и ты привыкаешь к ее присутствию – настоящее протяженное. А потом уже и торопишь в мыслях точку: хватит, ну сделай же что-нибудь.

Прошлого нет, будущего нет – любят говорить психологи. Живи настоящим. Жить точкой? А может быть, нет настоящего?

Только он не мой – этот выход.

6. Собеседник

Первый взрыв произошёл в 07:56 по московскому времени на станции «Лубянка» во втором (по ходу движения) вагоне именного поезда «Красная стрела», следовавшего в сторону станции «Бульвар Рокоссовского». В момент остановки поезда, непосредственно перед открытием дверей, сработало взрывное устройство, закреплённое на женщине, стоящей у второй двери второго вагона. В результате взрывов погибло 41 и ранено 88 человек. (Из новостей)

Времена переплетаются, они неразделимы, как цвета – четкие, чистые – в радуге по имени Жизнь.

И я – жива. Больничная палата белизной режет глаза. Лежу, прикованная к кровати, строчу на ноутбуке новую книгу о счастье. Дочка притащила апельсины – яркие, красные, словно флаги будущего. И оно у меня будет! Будет дочь, будут внуки, будет лес и море...

Оранжево-желтое закатное солнце заглядывает в окна, говорит: «Завтра новый день». И он приходит. Новый мартовский день, уже растаявший под снегом будущую зеленую травку. Какой же я была душой, ну разве нужно что-то, кроме еще одной весны?

Бывший муж пожаловал. Голубые глаза выцвели, он постарел, сутулится, суетится и излишне жестикулирует.

– Спасибо тебе, – вдруг говорю я, – спасибо за то, что ты был, за то, что у нас есть дочь, – и ловлю синий всполох взгляда – молодого, дерзкого. Пусть...

Начальник не скрывает дрожь пальцев. И я понимаю, как сильно, как искренне он переживает случившееся со мной. Друзья пытаются шутить, но я вижу тщательно скрываемые слезы. Я тоже не могу без вас, родные, поверьте!

Коллега по работе Костя – «жена Лота», разрывает вечный круг молчания тихими и нежными словами «я тебя люблю». Букетик фиалок пахнет будущим лесом и, как ни странно, морем. Почему я раньше не замечала, какие у Кости удивительные глаза – темно-серые, словно штормовая волна?

Я жива. Жива!

Об одном жалею, что я, задумавшись о себе, не запомнила людей, которые ехали в вагоне рядом со мной – к страшной точке настоящего... Я их вспомню. Обязательно!

Откуда берутся ангелы

На чердаке пятиэтажного дома, за вентиляционной шахтой у него был маленький пыльный угол. Больше года назад он обнаружил его случайно и после приходил почти каждый день: поднимался по тонкой железной лесенке, открыв замок чердачного люка подогнанным ключом, поднимал крышку, забирался и, оставляя тонкую щель между миром чердака и миром подъезда, специальным хитрым устройством имитировал глухую недоступность.

Что он здесь делал?

Китайский автомобильный фонарь вешался на гвоздь. На два шлакоблока устраивалась широкая доска, накрывалась вытасненным из потайной ниши пушистым пледом, кожаная подушка хорошо поддерживала спину, и очень удобно было строчить что-то в блокноте или бегать подушечками пальцев по клавиатуре ноутбука. Рядом на кирпичях гудела спиртовка, кипятила кофе или чай. Нехитрые бутерброды и сигареты помогали тянуть время, а еще книги – стопкой сложенные у стены, словно забытая кем-то связка макулатуры.

Он валялся на топчане-доске, слушал космическую музыку, блуждал по просторам Интернета, читал, часами лежал, бездумно уставившись в перекрытия сухими глазами, а то спал, не чувствуя, как меняются времена года.

Чаще всего он приходил сюда плакать...

Чердак жил своей жизнью: гудели провода, ветер выл в вентиляции, тонко звенели оставленные издавна листы жести. Шуршание дождя по крыше, воркование голубей и щебет воробьев в проеме распахнутого слухового окна рождали музыку странного мира, который был недоступен никому, кроме него.

Иногда в чердачной темноте вспыхивали два желтых глаза – это приходил дворовый кот Рыжик, потасканный, драный и безнадежно одинокий.

Как кот попадал сюда сквозь закрытые на замки люки – он не знал, но, уважая тайны Рыжика, не выпрашивал, а просто кидал приятелю кусок колбасы и слушал, как тот урчит и вгрызается в гуманитарную помощь. Потом кот спал, отпугивая громким мурлыканьем голубей от окна.

Кот никогда не выходил из темноты, свет фонарика не выхватывал его спящего тельца. Отоспавшись в безопасности, кот исчезал так же неожиданно, как и появлялся.

Он тоже покидал чердак следом за Рыжиком. Часто выбирался на крышу, где сидеть можно было только у окошка, здесь была специальная скоба, за которую привязывались зимой чистильщики снега, вооружались лопатами и сдвигали, сталкивали снежные козырьки, грозившие прохожим будущими сосульками. Снег ухал вниз, нисколько не сдерживаемый невысоким барьером карниза.

На крыше было здорово: можно трогать рукой небо, видеть заход солнца, рассматривать строчки разноцветных огней вечерних улиц и считать лимонные звезды августовскими ночами.

Он мечтал о том, как напишет поэму о метаморфозах города – месяц за месяцем. Стихи чаще всего не складывались и оставались в блокноте словесными недоработанными эскизами...

«Дааааанька!», – доносилось снизу, с балкона пятого этажа. Наверное, если сползти и перегнуться через карниз, увидишь не окна квартиры, а волны электрического света из них.

И он шел домой, тщательно спрятав свои сокровища и отряхнув джинсы от чердачной пыли.

«Где ты шлендаешь?!», – визгливо спрашивала бабка, вечно недовольная его излишней лохматостью, дистрофичностью тщедушного тела и яркой зеленью глаз. Впрочем, ответ ее не интересовал, да и привыкли уже домашние не слышать никакого ответа.

Она ставила перед ним тарелку и отворачивалась к плите или к раковине, гремела посудой, вслух комментируя новости или сериалы кухонного телика.

Он же, поковырявшись в ужине, уходил в свою комнату, тут же включал компьютер...

Три дня в неделю возвращаться с чердака приходилось по свету – приходили учителя, обучавшие его на дому. Он сам предпочел бы интерактивное учение, дистанционное – Интернет словно снимал проклятие заикания, слова лились свободно и легко. Только письменная речь – не устная, да и аттестат по Интернету не получишь, и Данька согласился на уговоры отца и мачехи.

По субботам его ждал логопсих – так он окрестил логопеда и по совместительству психотерапевта Валерия Петровича. Врач верил в то, что пациент скоро заговорит, как прежде, и гордился тем, что удалось преодолеть хотя бы долгое молчание – немоту...

Чердачный мир спасал его и от репетиторов, и от логопеда, и от матери мачехи – визгливой чужой совершенно бабки, от самой мачехи – от испарений ее духов, жадных проворных пальцев и сбивчивого шепота молодой – всего-то на несколько лет старше его, – желающей запретного секса женщины.

Чердак спасал от неумения произнести до конца слово «нет», от собственной слабости, от тайного удовлетворения предательства отца, который предал первым, женившись очень скоро после смерти мамы на этой похотливой самке.

Там – в свете китайского фонаря – таяло презрение, там рождались другие мысли: о свободе, о творчестве, о любви... Большая грузная фигура отца отступала, забывались его тяжелые топорные вопросы о будущем, как и широкие ладони, опускающиеся такой же неуклюжей лаской на голову.

Там он думал о безграничном прощении: себя, отца, дуры-мачехи, всей жизни – равнодушной и холодной...

Сегодняшние чердачные звезды еще плыли в голове, прекрасные слова и музыка все еще звучали в сердце, когда в дверь проскользнула мачеха – локти на стол, уставилась огромными кукольными глазами, зашептала что-то, жужжанием пробиваясь сквозь компьютерные наушники.

Он толкнул ее локти. Неудачно: руки сорвались, и мачеха ударилась грудью о край стола. Фотография мамы упала на столешницу, из рамы посыпалось стекло, разлетелось осколками. Один осколок, отскочив, впился в мачехину щеку, уже блестящую слезами боли и обиды, и блеск этот тут же окрасился алым, покатился бусинами...

Мачеха зажала щеку пальцами, вскочила и убежала, а он сидел неподвижно, пустым взглядом скользя по каплям крови, по стеклу, по расколотой рамке.

Спустя какое-то время пришел отец, ударил сильно – никогда не умел контролировать свою силу – по губам, так, что рот наполнился соленым и тягучим.

Он сглотнул, выбежал из квартиры, хлопнув дверью, и понесся на чердак. Там небо, там мягкий вечер, там свежий воздух...

Не заботясь об осторожности, он открыл люк, бросился к своему логову, но только вытащил доски и плед, как услышал доносившиеся с лестничной площадки голоса: «Данька! Даня!».

Они его найдут, они обратят внимание на незакрытый люк.

Неловко, ногой затолкав плед обратно в нишу, закрыв ее пыльными досками, он метнулся к окошку, распахнул створки, подтянулся и вылез на крышу, где его тут же обнял за плечи ласковый вечерний дождь.

Окно нужно закрыть, тогда не поймут, что здесь кто-то есть.

Он повернулся, чтобы это сделать, но, поскользнувшись на мокрой крыше, стал сползать вниз, к карнизу – все быстрее и быстрее, уперся ногами в хлипкое ограждение, попытался подняться. Удалось. Но словно его кто-то толкнул в спину, как никому не нужный опасный снег, и он, даже не пытаясь схватиться за что-нибудь, полетел вниз...

Руки вывернулись крыльями, ветер наполнил рубашку, бил в грудь скоростью и секундами времени. Безмятежная счастливая улыбка вдруг возникла на его губах, он закрыл глаза и крикнул: «Мама!». Чисто крикнул, без сжимания горла и выталкивания легких...

Нет. Он не разбился.

Он оттолкнулся от асфальта, взлетев сразу на несколько метров, поймав поток воздуха большими серебристыми крыльями. Неумело еще, с болью в лопатках, он выпрямил крылья, стараясь удержаться в одном положении, не сумел, сорвался в пике, но тут же поправился и, захватив ветер, снова устремился в небо.

Восторг, упоение полетом охватили сердце, он смеялся и плакал, и вовсе не удивлялся мерцающему свету маховых перьев. Он летел все выше и выше, поднимаясь выше дома, выше всего города, выше своих слов прощания и любви...

Люди на крыше смотрели вниз, и только дворовый облезлый кот с завистью смотрел вверх.

Мария Дёмина

Автор – Мария Демина, она же SerpensSubtruncius (Змей Подколотный по-латыни), по профессии филолог, переводчик с древних языков, занимаюсь писательством и литературной критикой на СинеМ Сайте (ficwriter.info) как хобби в веселой многодетной жизни. Проживаю в г. Санкт-Петербурге.

Подростки

Вокруг головы кольшиется едко-пахучая муть, периодически оседающая на «перьях» черными хлопьями. Он не пытается расправить жабры, тонкая сеть пушинок на их концах и так слипается от грязи. Хочется немедленно глотнуть воздуха, но выбираться из убежища сейчас еще рановато: до ночи далеко, а верткие пронырливые карпы хватают всё, что движется, жадно всасывая ошметки еды с лодок, мелких рачков, водоросли на корнях, свисающих в воду с островов. Рано. Он любит тьму, в ней шансов выжить значительно больше. Она равняет зрячих и незрячих. Да и разница между болотом днем и болотом ночью слишком незначительна. Итак, он ждет, припав на короткие, но изящные и сильные ноги. Ребра крупного тела обтягивает темно-бурая кожа, испещренная пятнами и полосами. Голова с небольшими, очень широко расставленными глазками упрямо подпирает толстый стебель аира, шесть перьев по бокам широкого рта прижаты. Задние лапы с растопыренными пальцами зависли в воде, мощный хвост не кольшиется, найдя идеальную точку равновесия. Он может висеть так целую вечность, поджидая мелких рыбешек и головастиков, снующих почти под самым носом. Это «почти» истончается в неуловимое мгновение, когда голова слабо толкает воду вверх, а еле заметный водоворот прячется в уголке рта – и на одну назойливую соседку становится меньше.

Он хороший охотник и умелый разведчик, потому и выжил в грязных канавах некогда прекрасного озера Шочимилько².

Её волосы блестят золотом в лучах только проснувшегося солнца. Четыре часа утра. Под крылом снежатся овечьим руном облака. В прорехах виднеются далекие равнины с еле заметными пунктирами скоростных автострад. На земле еще темно. Скоро самолет начнет разворот над аэропортом Бенито Хуареса. Из Лос-Анджелеса лететь всего четыре часа, однако в такую рань нагорье не прогревается, Эмили натягивает капюшон.

– Эмили, ты так голову когда-нибудь забудешь, не оставляй камеру без присмотра! Вот в чемодан со шмотками отчего-то обеими руками вцепилась...

Отец совсем не стар и тем более не ворчун. Он даже не совсем «взросл» – посторонние чаще обращаются к нему «парень», чем «старина». Но иногда выть хочется от внезапных нравоучений. Это значит, что он на взводе. А-а, встречающая сторона где-то запропастилась. И когда трансфер? Хотелось бы прямо сегодня успеть в Национальный Автономный Университет Мехико – крупнейший в Новом Свете. Эми пока еще школьница, поэтому с огромным интересом готова обозревать университетскую жизнь везде, куда отец берет ее «ассистировать».

Сквозь толпу продирается совсем юный паренек – смуглый, остроносый, как галка, обладатель косой угольной челки, полосатого охряно-багрового свитера и таблички на длинной палке. Последнюю он вздымает высоко над головой и готов пустить в ход, чтобы прорваться к месту встречи.

– Уже опоздал, парень, мы успели раньше, так не круши соотечественников. Майк Шнайдер, – отец с улыбкой протягивает руку для приветствия.

– Простите, сеньоры, я перепутал терминал Дельты с Эйр-Мексико. Очень приятно.

– Это Эмили Шнайдер, ассистент и оператор, – Майк кивает в сторону девушки, которая с независимым видом обнимает камеру в футляре.

– Сальвадор-Хосе-Мария Чиналько.

² Шочимилько (Сочимилько) – озеро на юге Мехико, точнее, то, что от него осталось. Во времена ацтекской цивилизации на нем строились искусственные острова, на которых выращивались цветы и овощи. Эта традиция, хоть и в убогом и урезанном виде, сохраняется по сей день, но от озера остались каналы.

«Бо-оже, сколько пафоса. Этот индеец именем поразить пытается? На вид младше меня».

– Вы сотрудник университета? – сам вопрос, заданный по-испански, содержит сомнение в положительном ответе, когда ее розовый язычок задерживается на последнем «d».

– Я сотрудник экспедиции, – улыбается тот. – А сотрудник университета – моя мама.

– Угу, – кивает девушка и протягивает ладошку, – Эми.

– Чава. Сейчас в отель, а после завтрака я отвезу вас в лаборатории. А потом, если хотите, мы можем поплавать по озеру, там довольно весело, туристам нравится.

Цель проста. Они приехали, чтобы поймать аксолотля и снять ролик про эту редкую тварь. Разумеется, её нужно будет продемонстрировать с разных ракурсов, измерить, ткнуть мордой в камеру, поцеловать и отпустить на все четыре стороны.

Или отдать в Биологический институт Университета – специальной группе по изучению исчезающих эндемиков. Тем нужна «свежая кровь», чтобы развести как можно больше потомства и выпустить на волю в естественные условия. Сам факт, что условия этих бедняг как раз и губят, осознается постольку поскольку – есть государственная программа по восстановлению вида, ей надо следовать. Повернуть вспять водопровод города Мехико и разогнать его жителей, чтобы аксолотли вернулись в родные палестины, возможным не представляется. А пока каждый защищает национальный символ, как может.

Есть еще третий вариант – не отпускать, а перевезти через границу в охлажденном контейнере как обычного домашнего питомца, благо, справки все подготовлены заранее. Единственным отличием зверюшки от миллионов аквариумных собратьев будет только природное происхождение и обновленный набор генов. Лаборатория трансплантологии и регенерации при медицинском центре Седарс-Синай обещала круглую сумму за дикого «водяного дракона».

Эти крупные головастики, возможно, и не привлекли бы внимания охотника за сенсациями Майка Шнайдера, но уж больно фантастические истории рассказывал его двоюродный брат Пол, работавший в том самом центре.

«Водяные собачки», как их называли на языке науатль предки нынешних жителей Мексики, уникальны не только своей «вечной молодостью» – провести несколько десятков лет личинкой вообще странная перспектива. Их способность воспроизводить взамен утраченной конечности, хвоста, внутренних органов новые давно не дает покоя поклонникам генной инженерии. Вырастить человеку утраченные или пораженные органы из его собственных тканей – это же фантастический прорыв в медицине! Мечта болеющего и рискующего человечества! Если удастся выделить чудесный ген регенерации и научиться запускать скрытую программу восстановления клеток...

Эта научная фантастика сулит славу и баснословную прибыль. Но при всех лабораторных успехах и многочисленных опытах уникальный природный механизм пока определению не поддался. К тому же исследования ведутся на замкнутых группах родственных аксолотлей, что позволяет выделить связующие признаки, но сравнить их с набором свойств, взятых извне, пока не представляется возможным. В природной среде аксолотли практически вымерли. Или нет?

Чава тонким веслом со слегка облупленной краской отталкивается ото дна канала (или канавы – как посмотреть) и медленно продвигает лодку вдоль берега, мимо свисающих в воду блекло зеленеющих деревьев, увитых лианами со свисающими корнями, попадающихся на глаза грядок с овощами и неожиданно яркими цветами. Эми думает, что в реальности красочными на озере Шочимилько выглядят прогулочные суденышки, плавучие палатки с едой и голосистыми марьячес – то есть искусственные, человеком созданные объекты. Трущобы, в которые они не посмели соваться, – странные, нависающие над водой домики с плоскими крышами на крошечных островах – выглядят скорее серыми. Что касается «природной» части

Шочимилько – она оказывается довольно блеклой, окрашенной в разные оттенки болотно-зеленого. Не очень выгодно для съемок. Но, в конце концов, чего ждать в конце ноября? Эми смогла отправиться в Мексику только на каникулах в честь Дня Благодарения, они спланировали поездку заранее. В задачу оператора входит снимать, ровно держа камеру, рассчитать правильный режим и, кроме репортажа, снять несколько роликов натуральных съемок. Всё это ей приходилось делать не раз, хотя профессиональным оператором Эми становиться не собирается. Но это самая удачная и интересная подработка для тинэйджера – всяко лучше, чем сидеть с сопливыми детьми или на кассе фаст-фуда. Сейчас она примеряет условия для будущей съемки, отмечая колыхание лодки и отсутствие нормальной перспективы.

– ...Я читал, что это остатки древних садов ацтеков, но, по правде сказать, странное фермерство. Растить цветы в промышленных количествах, чтобы принести их в жертву богам, – само по себе романтическое безумие. Но выращивать их на искусственных островах по всему озеру – страшная расточительность сил и времени. Проще было осушить болота вокруг, спустив воду в резервуары – индейцам это вполне было по силам, я интересовался их достижениями.

Майк обращается, вероятно, к Эмили или к сотруднице биологического института со звучным, но избитым именем Мария-Хосе. Маленькая пышнотелая женщина сидит на корме и, кажется, создает истинный центр тяжести в лодке. Она любит говорить и спорить.

– Тогда аксолотли погибли бы значительно раньше, а так они еще кормили собой всю армию испанских конкистадоров.

– Их едят? – морщит нос Эми.

– На вкус как цыпленок, – немедленно отзывается Мария-Хосе.

– С жабрами... Бр-р-р! – Эми фыркает, но смотрит на Чаву. Парень хитро ухмыляется и продолжает грести. Они давно уже играют в гляделки, иллюстрируя гримасами разговоры взрослых и оценивая мимические способности друг друга. У мисс Шнайдер лучше получается показывать язык и морщить нос, у сеньора Чиналько – закатывать глаза и скашивать их к переносице.

– Собственно, гастрономические свойства и стали причиной их вымирания.

– Да, на пару с карпами. – Мария-Хосе всплескивает пухлыми ладошками. – Завезенные карпы просто выместили наших дракончиков. А вся эта грязь из города...

Позади них мегаполис Мехико расползается по холмам гигантской кучей разноцветных кубиков.

– К сожалению, если проводить аналогию с аксолотлями, то вся мезоамериканская цивилизация оказалась гениальным подростковым периодом. Она погибла, так и не повзрослев и не усвоив чужих технических достижений. Колеса не изобрели, оружие осталось примитивным, жесточайшие кровопролитные человеческие жертвоприношения – по несколько тысяч в год... И это на фоне странной любви к культивации цветов и бабочек.

– Они просто остались язычниками, которых победили внешние завоеватели. И не забывайте про подобные культы в античности или про крестовые походы. Европа тоже все это пережила. – Мария-Хосе любит спорить, но у Майка своя сложившаяся концепция. На самом деле им просто скучно сидеть без дела.

Они уже попытались несколько раз забросить сетку в разных частях каналов, из которых и состоит озеро Шочимилько. Безрезультатно, разумеется, но Мария-Хосе утверждает, что именно здесь они ловили предыдущие «образцы» летом. Однако закинуть снасть придется раз пятьсот, не меньше. Это не один день – как раз на каникулы хватит.

«Очень продуктивное времяпровождение», – вздыхает про себя Эми.

– И тогда Тескатлипока оболгал Кетцалькоатля, и тот стал совершать недостойные поступки, а потом отправился на Восток в добровольное изгнание. В общем-то, неудачная у него вышла карьера для божества, но его хотя бы не убили, – раздумчиво произносит Чава.

– А кто твой нагваль³? – спрашивает Эми, откусывая от припасенного сэндвича с огурцом и тунцом. Она нашла применение вычитанной информации о духах-хранителях и двойниках. Чава энергично жуёт такос, распространяя вокруг притягательный запах специй и жареного мяса. Эми избегает мексиканской кухни из-за аллергии на перец и... в общем, специи вызывают слюноотделение и приступы нездорового аппетита, что современной девушке ни к чему. Сейчас обеденный перерыв – время для философских бесед и невинного флирта.

– У меня его еще нету, – в тон ей отзывается Чава и тут же поправляет себя – Я же католик, так что мой покровитель – Спаситель Христос, Salvator.

– А тональ? – Эми настаивает, ей кажется, что выявить сущность собеседника можно через раскрытие его истинных убеждений. Во всяком случае, так говорила на факультативе по психологии мисс Мак-Кирни.

– А ты еще не догадалась? – юноша смотрит серьёзно и неожиданно в упор. Этот темный таинственный взгляд можно было бы счесть даже интересным, если бы не полоса соуса над верхней губой.

– Неужто та мелкая водяная тварь, которую мы ищем четвертый день?

Он молча смеется, почти беззвучно, и не отвечает, но она-то знает, что молчание – знак согласия.

– Твой магический двойник – головастик?

Сальвадор неожиданно встает и бросает остатки такос в воду. «А он обидчив?»

Дракон дремлет, но ждет новой добычи. Сегодня приплывал грубый самец карпа и попытался откусить кончики его нежных перьев. Он не дался, захватив огромным ртом хвостовой плавник рыбины, и та в испуге рванула с места своего позора. Чужакам здесь не место. Приплыли из-за большой воды, расплодились, пожрали все священные цветы и осквернили целебный ил. Он ждет. Когда придет время, он станет огромным, длиннотелым водяным змеем, его тонкие руки с хваткими пальцами будут держать посох с длинным когтем, его колышущиеся в потоке воды перья станут огромными зелеными крыльями, и дракон взлетит над землей в порыве бушующего ветра и станет господином всех змей, бабочек и покорившихся ему людей...

Чава просыпается от собственного вскрика. В нем плещется восторг полета и ужас одновременно.

– Тональ, – бормочет он, засыпая вновь, и теперь ему снится белокожая девочка с золотыми волосами, которая носит на шее вместо камеры длинную гирлянду из красных цветов, растущих на островах Шочимилько.

Шестой день – Майк уже отчаялся запечатлеть неуловимого водного жителя – приносит неожиданный успех. В сетке вместе с мерзко пахнущей черной жижей попадает крупная амфибия. Шнайдер должен признать, что это животное отличается от всех виденных экземпляров. Он привык к бледным альбиносам с розовыми жабрами и нежной почти человеческой кожей. А этот – сильный, крупный, отбивающийся задними лапами, тыкающийся большей головой, глянцево-черный – от грязи, слизи и собственного насыщенного цвета. Да уж, головастиком это тридцатисантиметровое существо не посмеют назвать.

³ *Нагваль и тональ* – мифические двойники человека в религиозных культах Мезоамерики. Нагваль – дух-хранитель, высшее существо, духовная, творческая сторона личности. Тональ – двойник (чаще всего в животном мире), материальная, разумная сторона личности. Термины стали популярны благодаря переосмыслению в учении Кастанеды, но первоначально типичны для тотемической религии индейцев.

Майк в восторге демонстрирует чумазого аборигена Шочимилько, говорит о его статях и возможностях, о необыкновенной удаче, а Эми удерживает в кадре лобастую трапецевидную голову с маленькими гневными – как ей кажется – глазками. Параллельно она обращает внимание на их юного проводника и коллегу, сжимающего в руках ненужное весло и непонятно, то ли радующегося, то ли готового долбануть журналиста деревяшкой. Глаза сверкают, ноздри раздуваются, хотя губы растянуты в улыбке. Чава словно копирует своего тотемного двойника. Он смотрит на Эми, а она понимает, что миссия выполнена, редчайшая животина заснята, завтра самолет в Калифорнию, но сейчас, пожалуй, на пике удачи, эта будущая маленькая потеря не осознается ею в полной мере.

Майк смотрит на пойманное животное как на законную добычу, но неожиданно зверь цапает его за палец и скользкой тушкой вырывается из облепленных слизью пальцев.

– Не-е-ет!

Это восклицание Марии-Хосе, которая искренне жаждала поддержать аксолотля в собственных руках и препроводить в лабораторию. Теперь она готова придушить неуклюжего аме-
риканца.

– Черт! Черт! Черт! Эми, выключи камеру, наконец!

Они прощаются в аэропорту перед стойкой регистрации. Сальвадор пожимает руки Эмили и Майку Шнайдерам и оставляет в ладони девушки маленькую фигурку из дерева. Темно-коричневый аксолотль⁴ с тонкими поджатыми лапками и изогнутым хвостиком, через который пропущено металлическое колечко.

– Я забыла спросить. Как твое имя?

– Сальвадор-Хосе-Мария.

– Нет, индейское имя.

О, женщины! Она знает и улыбается понимающе и загадочно.

– Кецаль. Это птица. Или кто-то в перьях.

Эми цепляет подарок к рюкзаку и неожиданно чмокает смущенного юношу в щеку. Тот торопливо прощается и исчезает в толпе.

Пусть День Благодарения случился без индюшки, но зато с... кем-то в перьях. Эми почему-то легко и весело, несмотря на быстрое прощание вчера – с вечно юным аксолотлем, сегодня – с его молодым двойником. Она поправляет камеру и вприпрыжку догоняет отца.

Он опять затаился под корнями и ждет, не мелькнет ли перед носом зазевавшаяся рыбешка. Ему не нужно ее видеть, достаточно легкого движения воды. Охотник не хочет стать добычей, как две луны назад. Он чуть не растерялся, когда его схватили ужасно горячие руки Бесхвостого. Теперь опять растить слизь, лапу правую повредил – придется не двигаться лишний раз. Нарушение равновесия – ужасно.

Со стороны берега что-то слышно.

– Ашолотль...

При свете луны мальчик протягивает ему на ладони ужасно вкусных червячков. Они красные, пахнут землей и извиваются так аппетитно, что его тонька срывается с места и задевает поверхность воды. Голова огромного пернатого змея высовывается из озера, капельки разлетаются облаком брызг с пушистых тройных «перьев» по обеим сторонам разинутой пасти. Он улыбается.

– Полетели?

⁴ Аксолотль (на языке науаль произносится «ашалотль») – личинка амбистомы, способная жить и размножаться в неотенической форме. Вечный подросток амфибии. Действительно способен «возрождаться», отращивая утраченные органы.

Над извилистыми каналами древнего озера Шочимилько в благоухании красных цветов летит пернатый змей с маленьким всадником между крыльев и пугает бабочек своей улыбкой.

Тим Яланский

Совладелец литературного сайта. Рассказы опубликованы в сборнике «Синяя Книга» (2014, «Дятловы горы»), неоднократно становились победителями в сетевых конкурсах.

Пишу прозу, преимущественно, фантастику и фэнтези, статьи. Любимые темы – приключения, о дружбе и любви.

Почитать можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Thinnad.html>

Гуппи, любовь и конец детства

– Я-я-ярик! – донёлся звучный бабушкин голос.

Звякнула оконная рама, задвигались тени виноградных листьев. Ярослав отодвинулся от дырки в стене, спрятался от пятнисто-знойной улицы, от бабушкиного голоса и укоров, что не выполнил поручения и сидит в подполе.

Он честно пошёл в хлебный за французским и половинкой ржаного, но Витька из третьего подъезда как раз собрался на рынок за мотылем для гуппи.

Витьку вчера подстригли, из короткой чёрной щетины торчали лопуши, а солнце обожгло оголившуюся шею до клубничности. У него не бывает, как у Ярика, леопардовых веснушек, не повезло чуваку. Зато есть разноцветные рыбки породы гуппи.

Рыбы – это скучно. Маленькие «глуппи» плавают и плямкают губами с недовольно опущенными уголками. Тронешь пальцем стекло – даже не глянут. Ерунда одна.

А вот рынок – интересно. Волшебное место для любого мальчишки или девчонки. Птичий рынок – попугайчики, жёлтые, как лимоны, и зелёные – зеленее яблок! – такого цвета неведомые фрукты в джунглях. Безмятежно спят вповалку крыски – белые и с серыми спинками, дёргают носиками и видят во сне тихие норы, а не жаркий шумный базар с жестяными тентами. Толстые кролики тычутся мордами в прутья клеток. Важно разгуливает петух с маслянисто-зелёным хвостом – вот бы таких перьев пучок! Шуршат в углах ящиков морские свинки. А уж котят и щенков – настоящих, породистых, только без документов, потому за сущие копейки – десятки! «Возьмите щеночка!». Их немного жалко, ведь если хозяева продают, то, наверное, собачьи мамы грустят.

В ряду аквариумов пахнет водорослями. Продавцы кучками болтают и пьют пиво, солнце проникает в дырочки тентов, преломляется в прохладных водных витринах. Пластиковые и глиняные крепости для дна – вот бы такую, но побольше, чтоб выстроить солдатиков – и в бой! А ещё – череп и кости, маленькие, но как настоящие. Завести себе аквариум и напустить туда кораблей, а ещё на дне устроить тайник.

Мотыли – это мелкие кирпично-красные червяки. Копошатся массой, размазанной по клеёнке. Вроде бы ничего особенного, даже не дождевые черви, а если подсунуть нескольких Катке – то-то визгу будет!

Пакет с мотылем надо поскорее домой, в холодильник! Ярик мчится вприпрыжку рядом с Витькой – словно гонцы, что доставляют срочную депешу. Длинноногий, худой, как солёный бычок, Витька, обгоняет собственную тень, и Ярик летит за ним сквозь кисельную жару, отбивает кроссовками ритм, пропускает зной сквозь себя – солнце не мешает, ведь он сам рыжий, огненный суперчеловек! Замешкался возле дверей гастронома, но махнул рукой – помрут же мотыли!

Глупые рыбки втягивали в себя красноватых червей, жабы надувались и дрожали. А потом случилось то, что случилось. Ярик не понимал, как это – пожалеть нескольких мотылей, чтобы подшутить над Каткой?

Платье на лямках, веснушки под панамкой, надутые губы.

– Я обещал, что буду защищать её, – сказал Витька совершенно серьёзным голосом. Его длинное и худосочное лицо приобрело воинственное выражение – даже тёмный свежестриженный чуб встопорщился, губа смешно оттопырилась, а лопуши стали малиновыми, как свекловичная ботва.

– Ты что, влюбился что ли? – рассмеялся Ярик.

«Влюбился» – это когда герой целует красивую тётеньку перед мочиловом врагов, или когда свадьбу играли в соседнем дворе, старушки вытирали глаза платочками и приговаривали «совет да любовь».

Смешно, а Витька – не смеялся. Друг, называется.

В подполе под бабушкиной лоджией всегда прохладно и темно. Кирпичик в стене, и так качавшийся, а потом доковырянный Яриком, открывал отличный глазок на уровне земли. Снаружи шевелились тени корявых виноградных плетей, жужжали невидимые осы над грушами-паданцами. Сквозь щели досок над головой пробивались нитяные сеточки света, играли на старых бамбуковых удочках, ящике с песком и тусклых банках бабулиной самогонки. На дне прозрачных банок таились страшные скрюченные груши. В тишине и темноте хорошо представлять, что ты – терпящий аварию исследователь в батискафе, а над тобой сто километров воды. И как следует поразмыслить о Витьке, Катьке, мотылях и...

– Ярик, вот ты где!

Бабушка обнаружила отодвинутый в сторону половик и, конечно, поняла, где спрятался внук. Седые волосы гладко собраны в клубочек – Ярику нравились блестящие шарики шпилек, проглядывающих из переплетения.

– Ты чего там прячешься? Хлеба купил?

– Ба, мне надо подумать, – потянул Ярослав, хотя знал, что попался, не отвертись.

– По дороге подумаешь, мыслитель, – лицо исчезло из рамки проёма, но Ярик знал – бабушка здесь. – Принеси хлеба, и будем уже обедать, – скрипнули половицы – ушла.

Ярослав вздохнул и полез по лестнице наверх.

Во дворе никого не было, даже вездесущие коты куда-то запропастились. Одурачивающий запах батона напомнил, что с завтрака прошла куча времени.

Ярик покосился на оплетённое виноградом кухонное окно и вгрызся в горбушку – дома не так вкусно. Появившийся в окне профиль деда придал ускорения, и подъезд Ярик преодолел вслепую – зелёное мерцание тьмы после знойной улицы путало чувства, ступеньки выныривали не там, где казались.

Семь ступеней, направо – к открытой настежь двери. Густой аромат чеснока и борща, и...

– Деда! – завопил Ярослав, влетая, всё ещё в коконе зелёного марева, в родной, огромный силуэт человека в трубе коридора.

Сильные руки схватили подмышки – воздух выскочил из лёгких в сладком предвкушении – и вверх! Не к тусклым лампам высокого потолка «сталинки», а к небу.

Таяли зелёные круги, колкий подбородок пах табаком, озорные дедушкины глаза лучились любовью.

– Деда, где ты был? – прижался к нему Ярик, когда все уселись за круглым столом – большим, рассчитанным на семью из бабули, деда и их четверых детей, а теперь ещё и внуков. – Я тебя вчера вечером так ждал!

Дед хмыкнул и протянул Ярику нож:

– Ну-ка, орёл, умеешь ровно резать хлеб?

Ярик зашёлся от восторга: слишком большой для руки нож тускло отражал свет, казался хищным – таким сражаются пираты. Жаль, на улицу с ним не пустят. Витька сразу бы с ума сошёл и стал мириться! Конечно, Ярик ему дал бы нож на пять минуточек. Или даже на полчаса. А Катька... Ярик задумался. Светлые глаза, царапанные кошкой руки, ромашки на сандалиях... Он бы и Катьке дал потрогать – в его руках, конечно! Что девчонки понимают в оружии?

– Не стоит! – бабушка скомкала в ладонях фартук, тревожно глянула на замечтавшегося внука – Вань, так можно без пальца остаться!

– Не бойсь! – захохотал хрипло дед, – десять лет орлу, пора уже уметь с инструментом обращаться. Царапины – ерунда.

Ярик знал, что ерунда, даже когда разодрал ладонь о гвоздь, сцепил зубы и не позволил пролиться ни слезинке. Белый след под пальцем виден до сих пор. У деда между указательным и средним пальцами тоже шрам – мама рассказывала, дед Ваня родился со сросшимися пальцами, и ему разрезали там кожу в детстве. Это было восхитительно и страшно, а Ярик верил, что когда резали – дед не проронил ни звука. Потому что он – такой. Он может подбрасывать одной рукой пудовую гирию, взглядом заставить завестись соседскую машину и поколотить хулигана или даже двух – однажды Ярик видел, только не сказал бабушке, потому что она будет переживать, какие уж тут подвиги? Деда все уважают, он очень высокий и сильный – Иван Андреич для всех и просто «деда» для Ярика. Настоящий герой, не понарошный, как в кино. Когда деда садил внука, ещё совсем маленького, на плечи, то Ярик словно сам становился частью того прекрасного и непонятного, чем был дед. Это с ним, с Яром, здоровались с заискиванием, с любованием, с почтением. Сейчас Ярослав вырос и не залезал больше на плечи, но по-прежнему любил подобраться поближе, когда дед в кресле или на диване, обнять, чтобы ощутить под щекой жёсткие, присыпанные солью седины, волосы, и стать самому чуточку сильнее и больше.

Тёмный мякиш половинки серого пошёл волнами, но Ярик упорно резал следующий ломоть. Он не подведёт, и бабушка тоже перестанет волноваться. Ярик украдкой взглянул на бабулю и замер – дед и бабушка смотрели не на него, а друг на друга. Словно никого не было вокруг – бабушка прислонилась щекой к дедовому плечу, её лицо светилось, как новогодний фонарик. Дед обнял её своей большой рукой за пухлые плечи, будто оберегая. Эти двое глядели друг на друга и видели что-то интереснейшее и захватывающее.

Ярослав хмыкнул и продолжил пилить хлеб. Так можно нарастить мускулы, а потом взмахом меча рубить головы врагам!

– Айда мороженое брать! – Катька вскинула голову, глядя из-под панамки.

Строгая у неё мама, заставляет носить дурацкую шапку. Вот Ярика фиг заставишь – разве что зимой, когда мороз щиплет за уши. А дед вообще не надевал шляп, хотя ему не сладко с галстуками – вот нелепое изобретение! Панамка – ясно, это чтобы слабые личности солнечный удар не получили, а галстуки – глупость!

– Сейчас, деньги возьму, – обрадовался Ярик. – А Витька где?

– Он не пойдёт, – светлые глаза спрятались за краем панамы. – К ним скоро гости приедут из столицы. Родители поехали встречать, а его заперли.

– Да, придётся потерпеть, факт, – согласился Ярик. – А давай ему через окошко мороженое передадим? Он опустит леску, мы привяжем – и готово!

– Давай! – загорелась Катька. – Скорее беги за деньгами!

– Сейчас дам, а ты пока из подпола морковки принеси, – бабуля покатила к шкафу, а Ярик помчался в лоджию.

Из чёрного провала повеяло прохладой и земляной сыростью. Сначала, как всегда, кажется страшновато – настоящее таинственное подземелье ожидает беспечную жертву, а когда глаза оказываются ниже дощатого пола, то и не страшно, даже интересно. Можно даже лампочку не включать.

Пальцы нащупали бока морковок в холодном тяжёлом песке. Ярик выбрал побольше, отряхнул. Перед тем, как поспешить обратно, выковырял заветный кирпичик и приник к «глазку».

Высокую фигуру деда он увидел сразу. Дед курил, стоя у соседнего подъезда – там, где фасад выгибался перекладной буквы «Г». Именно в этот момент откуда-то из буйной зелени вынырнула тётенька в цветочном платье. Она выглядела, как будто пыталась нарядиться в букет – на послеполюденном солнце красные и зелёные пятна на белой ткани резали глаза. Тётенька кинулась к деду, положила руки ему на плечи и что-то стала говорить. Тот заулыбался, ласково огладил её талию и потянул тётку за пределы двора.

Ярик нахмурился, в груди будто взрывался звездолёт посреди космоса, стало зло и бесполезно. Как же так? Его деда улыбался неприятной чужой женщине. Ярослав посмотрел ещё с минуту, надеясь, что дед появится... и задвинул камень на место.

Что это за тётка хватала деда за руки, а он ей улыбался и кивал?

Ярик упёрся спиной в стену, перед глазами закружились образы многочисленных знакомых дедушки – засверкали неестественные улыбки, сухо запахло духами. Однажды прошлым летом, когда ба уехала к тёте Зое на пару дней, Ярик заскочил попить водички, и дед в расстёгнутой рубашке торопливо прикрыл створку распашных дверей в спальню – там мелькнула чья-то тень. Тогда Ярик удивился – что за чужой человек в доме? – но так спешил обратно в гущу футбольной схватки, что мысли об увиденном улетучились. А сейчас всплыли с чёткостью прозрения.

Это было тяжело и необъяснимо, словно на плечах вдруг закачалась перекладина огромных весов... Тысячи вопросов и страшная ясность обрушились на Ярика, он шмыгнул носом и полез наружу.

– Вот, этого хватит? – бабушка с сомнением глядела, как внук прячет деньги в карман шорт. – Не вывалятся, когда будешь гасать?

Из зачёсанных волос выбилось несколько белых прядок, обрамили мягкое лицо, кожа век складочками нависла над глазами, придавая усталое выражение.

Повеяло сквозняком. Из подъездного полумрака вынырнула громоздкая фигура деда.

– В контору вызывают, – буркнул он, и Ярик видел, что тот не в духе. Дед прошёл в комнату, не глянув на него и ба.

– Даже в субботу? – всплеснула ладонями бабушка. – Вчера же до ночи работал, ещё и сейчас?!

– Что делать, – прошагал обратно к выходу дед, чмокнул бабушку в щёку и растворился.

– Твой дедушка начальник, – словно оправдывалась бабушка. – Работа у него такая. Вот видишь... Постоянно его нет.

Она тяжело опустилась на табурет, мягкие ладони в веснушках, как у внука, сплелись, пытаясь обнять друг друга.

– Не расстраивайся, бабунечка, – тронул её плечо Ярик. Он чувствовал – бабушка крепится, чтоб не заплакать, её лицо стало неподвижным. Нельзя рассказывать о виденном, нельзя ломать всё. Солнечный, правильный мир разваливался. – Дедушка поработает и вернётся, никого лучше нас у него нет! А завтра можем вместе на пляж пойти, я Витьку позову. Ничего же не случилось!

– Да какой пляж? – покачала головой бабушка, огладила круглые бока. – Погляди на меня, твоя бабуня старая уже для пляжей-то.

Катка ждала во дворе: она старательно балансировала на бордюре палисадника под настороженным взглядом старушек на лавке.

– Яричка, я твоего дедушку только что видела! – прокричала она и воробышком спрыгнула на асфальт. – Он вон туда ушёл!

– У него дела, – гордо заявил Ярик. Сегодняшнее должно зажить, как ранка на руке.

– От красивый мужик, а? – донеслось со старушечьей лавочки. – Надьке-то свезло, сама уже старая стала, а мужик-то ейный – во!

Ярик наморщил нос, ему стало непонятно, противно и захотелось что-то сказать этим дряхлым клюшкам. Только он не знал, что.

– Да не скажи, Надька вообще святая, четверых своих подняла, а чужих сколько? Золотой души человек, вот и мужик к ней прилабунился. Они же доброту чувствуют. Что тех стерв крашенных-то, тыщи...

– Проститутки они все... Вон вокруг Ваньки-то вьются... Мёдом им помазано!..

– Идём, – дёрнул Катьку за руку Ярик. – Не слушай, ну их.

– Я хочу шоколадное, – Катька возила по стеклу холодильника пальцем, выбирая приглянувшееся мороженое. – Давай и Вите возьмём шоколадное?

– На палочке не донесём, – практично заметил Ярик. – ты его привяжешь, а оно – хлоп! – и стает тебе на панамку.

– А мы его открывать не будем! – сделала круглые глаза Катька.

– А как же тогда привязывать? – спросил Ярик.

– Я знаю! – просияла Катька. – Пусть он опустит леску с крючком, мы зацепим за пакет – и готово!

– Голова, Катюха, – одобрительно кивнул Ярик, отодвигая стеклянную крышку холодильника.

Возле третьего подъезда стоял большой чёрный седан. Откинута задняя дверца демонстрировала коробки и свёртки, Ярик вытянул шею, чтобы посмотреть, есть кто в машине или нет, и столкнулся взглядом с незнакомой девчонкой чуть старше его. Высокая и бледная, будто вылепленная из парафина – короткие кукольные волосы, белые руки, и даже глаза бесцветные, словно долго плакали и вылиняли.

Хлопнула дверь, на крыльцо вышел Витька.

– Привет, ребят, – он перевёл взгляд с девчонки на друзей, потом растерянно улыбнулся и выхватил из рук незнакомки чемоданчик.

– А мы тебе мороженого принесли, – сказал Ярик.

– Не могу, ребят. Ко мне в гости сестра приехала, – Витька подхватил ещё одну сумку и потащил наверх.

Бледная девчонка неторопливо последовала за ним в тёмное нутро подъезда.

– Столичная курица, – фыркнула Катька.

Ярик видел, она злится. Третью, Витькину порцию мороженого пришлось слизывать с пальцев, и теперь ребята сидели в кустах сирени, обсуждая дальнейшие планы.

– Ничего не поделаешь, – сказал Ярик. – Сама понимаешь, гости.

– Из столицы, – вздохнула Катька. – Ты видел, какая у неё причёска? А туфли, небось, настоящие лабутены без каблучков.

– Не видел, – задумался Ярик. Столица – это особенный город. Когда дед ездит туда в командировку, то собирается, как полководец или князь в славный поход.

– Ну как же не видел, там такие застёжки с камушками сбоку, – начала пояснять Катька. – А Витя теперь будет ей рыбок показывать.

В голосе прорезалась такая тоска, что Ярику захотелось сделать для неё что-нибудь особенное.

– А хочешь, дам тебе нож поддержать, он на самом деле почти меч, но только, знаешь, нельзя же мечи дома держать, потому что полиция заберёт. Потому мы всем говорим, что это нож, и держим на кухне. Это секрет!

– Хочу! – Катька приоткрыла рот от восторга, и Ярик вдруг ощутил себя, словно сидел на плечах деда. Тут же вспомнил деда с тёткой, снова вспыхнула обида.

– Бабуля скоро пойдёт прогуляться в парк, мы и поглядим, – спланировал он по-быстрому. – А ещё у нас есть сдача. Базар закрывается, может, хватит на маленького гуппёночка, как думаешь?

– Посажу его в стакан, ему же много не надо, – захлопала в ладоши Катька. – Мама увидит, какой гуппик маленький и хороший, полюбит его и купит аквариум!

– Побежали! – вскочил на ноги Ярик.

Асфальт хлопал о подошвы Катькиных сандалий, а Ярик бежал тихо, как охотник-яутжа из фильма. Солнце уже не палило, а облизывало локти и лодыжки большим жарким псом. Втроём с Витькой можно стать отличной космической командой, мчаться навстречу приключениям, сражаться с чудовищами и щупальцами на астероидах. Вчера бабуля крутила фарш, и из сетки мясорубки выползали шевелящиеся щупальца, а Ярик тыкал в них вилкой и картофельным ножом. С настоящими, большими щупальцами, конечно, дело посложнее, может, даже придётся их выжечь лазерами. Капитаном корабля будет дед! Он начальник, значит, и командовать на корабле ему раз плюнуть. А бабушка, конечно, старпом. Каждый знает, что без старпома на корабле никто слушаться не будет и сразу всё сломается.

В конце улицы – на ступеньках широкого спуска – Ярик притормозил, оглянулся. Катька взлетела на низкий бетонный парапет лестницы и, мелко притоптывая сандалиями, пошуршала вниз, только голубая юбочка сверкнула. Ярик быстренько вскочил на второй парапет и поскакал следом, как храбрый рейнджер – не отдавать же первенство девчонке!

– Ярослав! – внизу маячила бабуля.

Она хмурила брови и грозила пальцем.

Ярик испытал мгновенное желание соскочить вниз, на ступени, но настоящие рейнджеры не тормозят даже перед гризли! И Ярик ринулся вперёд, чувствуя себя танцующим со смертью. Оттолкнулся от бетонки, ловко не задел плафон фонаря и приземлился перед бабушкой.

– Тебе дурь девать некуда? – бушевала та, прогулочная сумочка сползла на локоть. – Вот пойдём домой, будешь энергию свою применять, сок крутить!

Ярик стиснул зубы. Не самое страшное наказание, только ужасно скучное.

– Бабушка Надя, – подошедшая Катька вытирала ладошки о подол, оставляя зелёные травяные пятна. – Не ругайте его, мы вместе баловались!

Но бабушка уже не смотрела на них. Её лицо враз постарело, глаза не отрывались от двух фигур по ту сторону шоссе.

Замигал и переключился светофор. Хлынули люди, и улыбающийся дед открыл дверцу такси, помогая сесть тётке в «букетном» платье – Ярик её сразу узнал. Та самая, что вешалась на деда во дворе. Дед что-то сказал, бросил поверх крыши автомобиля взгляд, встретился глазами с бабушкой. Ярику показалось, что мир упал в чёрную дыру.

Он посмотрел на деда и услышал скрип камешков под каблуками ба. Время вдруг разбилось на кадры и помчалось рывками, пытаясь совместить разлетающиеся стёклышками события.

Ничего не понимающую Катьку, что смотрела, как толстенькая взрослая «бабушка Надя» мчится к лестнице во двор, отчего-то вдруг прекратив отчитывать их.

Визг тормозов, гудки сигналов и крик.

Чьи-то испуганные глаза и побелевшие губы.

Всё завертелось, и Ярик, беспомощно не успевая, видел громоздкий белый автобус, который надвигался на дедушку, бегущего через дорогу...

Когда сидишь в подполе, то мир становится маленьким. Главное – не подглядывать в дырку. Там, снаружи, свой мир, где Катка с «парафиновой» девчонкой клеят друг другу ногти из цветочных лепестков, а Витька купил полосатых, но таких же глупых скалярий – на том же шумном стрекочущем птичьем рынке. В темноте очень просто представить, что пришёл зомби-апокалипсис, и звуки наверху – это мертвецы бродят, ищут живых людей. А ты остался один-одинёшенек.

Тихо. Бабушка поехала проводить дедушку. Ярик не любил больниц – он несколько раз напрашивался, и там, в белом лекарственном мире видел деда – беспомощного, чужого и ставшего словно бы меньше, с замотанной бинтами головой и трубочками, что торчали из андроида – подделки под сильного и большого настоящего деда.

Это было настолько страшно, что бабушка, заметив подавленное состояние внука, стала отговаривать от поездок.

– Ничего, Яричек, дедушка скоро выздоровеет, и всё будет хорошо, – говорила она. Взгляд её стал тусклым, и Ярик понял, что именно так выглядят глаза после многих слёз.

И сейчас, сидя в пронизанной нитями света тьме, Ярик очень-очень сильно желал, всей силой сердца, чтобы настоящий дед вернулся из одиночества чужой больницы, чтобы всё оказалось неправдой, и тот, другой – который андроид – исчез и забрал с собой «букетную» тётку, автобус и одиночество. И бабушка снова стала светлой и тёплой, как домашнее солнышко. Только будет ли «как раньше»? Разве это возможно?

Ведь понятно, что нет никакого андроида вместо деда.

Бывает, что играешь, а потом – хоп! – понимаешь, что началось настоящее, и уже не до игры.

Самое время осторожно вылезти из укрытия и вдоль стенки прокрасться на кухню за оружием и припасами. Нужно быть очень осторожным, чтобы зомби не засекли. Ярик замешкался, решая, оставлять открытым люк, чтоб быстрее вернуться, или не стоит выдавать укрытие? Решил, что если доберётся до секретного суперножа, то путь обратно прорубит сквозь любую нечисть, а если не доберётся, то укрытие не понадобится, и бабушка будет плакать над внуком, которому съели мозги.

Ладони до боли сжались на скобах лестницы – снаружи послышался тихий щелчок открывающейся двери. По спине пробежали мурашки, и Ярик скользнул обратно. Он сел, прижался спиной к стене и зажмурился.

Скрипнул пол, дом наполнился голосами и шагами.

Был ли дед обманщиком? Или предателем? Доселе неведомое жгучее понимание ворочалось в груди – от него хотелось скрыться, как от палящего солнца, но не выходило, даже если закрыть кулаками глаза. Как теперь обнимать, если он любит чужих? В воспоминаниях замаячили опущенные веки бабушки, мокрые дорожки на щеках и её мягкие тёплые руки, лежащие на переднике двумя умирающими птицами. Они больше не переплетались в желании жить.

Бабушку надо спасти. Что бы ни ожидало снаружи, Ярик будет с ней и станет её защищать.

В комнате витал слабый запах лекарств.

– Яр, здорово! – дед снял очки и отложил газету.

Он так светло заулыбался, что Ярику нестерпимо захотелось как раньше, ни о чём не думая, влететь в объятия сильных рук.

– Привет, – сказал он и не двинулся с места. – Как ты себя чувствуешь?

«Как ты себя чувствуешь после всего?», – хотелось сказать на самом деле.

– Отлично, – дед, очевидно, удивился сдержанности внука, его лоб сложился морщинистой гармошкой. – Меня хотели к кровати привязать, потому что чуть не сбежал домой, – тут же пригласил включиться в подшучивание дед.

– Потому что ты любишь убежать, да? – Ярик сцепил ладони за спиной, сжал сильно-сильно пальцы. «Постоянно его нет», – всплыли слова бабушки в памяти.

– А кто ж не любит? – подмигнул дед. – А ты знаешь, что мы едем все вместе на базу отдыха на море? Ты, я, бабушка, здорово?

Море! В другой раз у Ярика перехватило бы дыхание от восторга. Море – это здорово! Это облазять всю базу и перезнакомиться с людьми, проверить тайник, заложенный прошлым летом, играть в баскетбол и кататься на банане! А в столовке набрать хлеба, чтобы вечером лопать с арбузом, и ещё дед отдаст свою порцию полосатого желе в вазочке. И, может, удастся снова пробраться на дискотеку.

– Давай ты сам поедешь, без нас, хорошо? – злое упрямство и обида вытолкнули горечь из груди. – Ты отдыхай с другими, а я бабушку не предаю и буду с ней рядом! Чтобы больше не плакала.

За спиной тихо ахнула вошедшая в комнату ба. Ярик расцепил руки и вытянулся в струнку, только кулаки сжались так, что стали как два камня. Раз всё разрушилось, то пусть до конца!

– Так и я же... – опешил дед, посмотрел на внука прямо. Во взгляде появилось что-то новое, серьёзное, похожее на удивление.

Ярик рассматривал деда, будто бы видел в первый раз. От того, что дедушка сидел, или от того, что на его лице появилось выражение беспомощности, Ярик вдруг заметил, что его волосы и правда совсем побелели, а выше уха, на поросшем щетиной выбритом месте тянется зубчатый багровый шрам. Кости плеча продавливали загорелую кожу, стало ясно, что дедушка сильно похудел и... постарел? И совсем не похож на андроида. Жалость затопила горячей волной, а злость вдруг лопнула мыльным пузырьком, не оставив ничего. Захотелось плакать.

Кружилась голова, и когда мягкая бабушкина рука легла на плечо, Ярик подвинулся ближе, чтобы чувствовать родное спокойное тепло её округлой груди.

Дед встал, снова стал высоким-высоким, сделал несколько шагов к окну, вернулся и остановился перед ними.

– Я ошибся. Очень сильно ошибся, – сказал он тихо, опустил голову.

Ярик задрал лицо, но всё равно ему казалось, что они сейчас на равных.

– Мне казалось, что всё нестрашно, и правильно получил по заслугам.

Дед вдруг опустился на колени перед бабушкой, как в каком-то старом фильме про любовь – прямо на плетёный коврик – и сказал:

– Пожалуйста, можно мне вернуться? Я так тебя люблю.

Тёплая ладонь покинула плечо Ярика, и он видел, как дедушка поднялся, оборачивая объятьями бабушку. Она уткнулась лицом в его плечо и заплакала.

Ярик почувствовал, что какая-то струна внутри лопнула, и он вдруг очень устал, будто высидел два сеанса в кино. Может, всё теперь будет хорошо?

Ему нестерпимо захотелось коснуться пальцами длинного, изрезанного чёрточками швов шрама – страшного и прекрасного, будто дед вернулся из опасной экспедиции... По игре, конечно. Ярик изучал деда и никак не мог решить, хочет ли, чтобы тот его обнял и поймал после того, как подбросит к небу.

Большая дедовская ладонь протянулась навстречу, Ярик пожал её со взрослой серьёзностью:

– Здравствуй, деда!

Евгения Кротова

Мне 38 лет. Живу сейчас в г. Благовещенск, а сама из Москвы. По образованию юрист, книги пишу со школы, последние 5 лет – наиболее плотно. Закончила литературные курсы «Мастера текста». Есть рассказы, опубликованные в сборниках и литературных журналах, сетевые публикации.

Победитель номинации "Подростковое фэнтези" национальной литературной премии «Рукопись года» и финалист Конкурса детской и юношеской книги ЛитРес и ЛайвЛиб (3-е место) за рукопись «Вершители: посох Велеса». Финалист конкурса «Новая детская книга» в номинации «Фэнтези. Мистика. Триллер» за мистический триллер «Альтераты: миссия для усопших».

Сборник рассказов «Дом с панорамными окнами» – в Лонг-листе премии «Электронная буква» (номинация Малая проза).

Автор пяти романов в жанрах современный российский роман и остросюжетная проза. Член Союза писателей России.

Буду рада встретиться с вами на ЛитРес: <https://www.litres.ru/evgeniya-kretova-13071576/>

Танго

Нежные ещё, ласковые лучи первого весеннего солнца касались её рук, оголенной шеи, порозовевших от беззаботного счастья щёк. В тёмных волосах, прямых и длинных, словно русалочьих, играли золотисто-розовые блики. Сквер был ещё пуст и не ухожен, апрель только по-хозяйски обстоятельно осматривал фронт работ, поглядывая на медленно кружившуюся девушку. Закрыв глаза и впитывая в себя тепло, по которому так соскучилась в эту пасмурную и холодную зиму, она вдыхала аромат приближающейся весны. За плечами – преддипломная практика, дипломный проект, часы в пыльных залах библиотек, нервные перешёптывания родителей. Впереди – шаг в неизвестность.

Сейчас – короткий миг, принадлежащий только ей.

Тревожная мелодия «Кумпарситы»⁵ вывела её из равновесия: на экране светилась аватарка улыбающейся мамы.

– Аллю, – отозвалась, скрывая вздох. Всё, веселью конец.

– Стеша, что ты так долго? – требовательный, чуть капризный голос. Мама никогда не работала, создавая уют, обустривая быт своему мужу, видному адвокату, профессору кафедры гражданско-правовых дисциплин престижного московского вуза, автору бесчисленного количества работ в области сравнительного правоведения. Наверно, только руководя жизнью такого человека, как Стешин отец, можно увериться в собственной божественной непогрешимости.

– К метро иду, мам. Только из университета вышла. Марго дипломную приняла, на этот раз без замечаний, – Марго – Маргарита Николаевна Зильбер – научный руководитель, женщина сложная, болезненно реагирующая на знаменитого отца своей подопечной, несколько раз заставляла переписывать дипломный проект, требуя более глубокого анализа.

Мать фыркнула в трубку:

– Да кто бы сомневался... Слушай, захвати в супермаркете сыр вкусненький. Ну, ты знаешь, какой мне нравятся. И не задерживайся. В семнадцать сорок пять, чтоб дома была. Тебе ещё надо переодеться к ужину.

Всё ясно. «Переодеться к ужину» могло означать только одно – сегодняшний ужин наверняка не будет семейным.

Стеша слушала материнские указания, лениво перешагивая через тёмные, покрытые тонкой ледяной крошкой лужи. Взгляд блуждал и неожиданно упёрся в светлые глаза с искринкой. Они смотрели на неё, как на старую знакомую, и улыбались. Будто знали о ней больше, чем может знать прохожий. Высокий худощавый парень в тёмной военной форме сидел на скамейке и улыбался ей, пряча на дне серых глаз ватагу чертенят.

Стеша смутилась и ускорила шаг.

* * *

Конечно, она не ошиблась.

Конечно, её подозрениям суждено было сбыться.

Дома затевался грандиозный «сейшен». Начищен и выставлен хрусталь. Расправлены складки тяжёлых штор в гостиной. Начищен паркет.

⁵ *Кумпарсита* – (исп. La Cumparsita) – танго, одно из самых известных произведений этого жанра, автор – Херардо Эрнан Матос Родригес, написал его в 1914 году, будучи студентом, как марш, посвященный студенческой «кумпарсе» (cumparsa) – группе, в которой в то время состоял автор: отсюда-то позднее и возникло название танго.

На маме – элегантные узкие светло-бежевые брюки и свободная блуза навыпуск, крохотный кулон с изумрудом искрится на изящной шее. Золотистые волосы нарочито небрежно завиты и подобраны, оголив бархатистую кожу. Татьяна Николаевна в свои пятьдесят с небольшим могла дать фору многим двадцатилетним красавицам: стройная, ухоженная, уверенная в себе. На её фоне Стеша выглядела неоперившимся утенком.

– Ого, – протянула девушка, вручая матери полиэтиленовый пакет из супермаркета и сбрасывая с плеча сумку. – Это такой у нас семейный ужин?

– Приходится заботиться о счастье собственной дочери вот этими самыми, уставшими от семейных хлопот, руками, – мать театрально возвела ладони к потолку и закатила глаза.

Стеша тяжело вздохнула, прячась за дверью собственной комнаты: ясно, Олега позвали.

Олег Савельев – потенциальный жених. В последнее время он стал всё чаще приглашаться в дом, всё чаще задерживаться у отца в кабинете, всё добродушнее волочиться за матерью. С девушкой шутил и балагурил. Звал то на концерт модной группы, то просто побродить по городу. Ухаживал не утомительно и довольно мило. Стешу это устраивало: полунамёк на симпатию, лёгкое прикосновение, загадочная полуулыбка. А ближе к Новому году Олег стал смотреть на неё задумчиво. Будто приглядывался. И под этим взглядом Стеша ёжилась и холодела.

Вздрагивала невольно от попыток задержать в руках её ладонь. Прижаться коленом под столом к ноге. Дотронуться «нечаянно» до плеча, локтя... груди. Он ей нравился, Олег Савельев, будущий дипломат. Высокий. Красивый. Сильный. Уверенный в себе. И улыбка у него хорошая. И добрый он. И терпеливый. Это всё головой хорошо понималось. А вот сердце тревожно и с тоской билось, едва мелькала в телефоне его аватарка.

И сегодня сердце чувствовало неладное: хрусталь достали неспроста.

Ближе к половине седьмого вечера под потолком зазвенел, переливаясь, звонок, послышался шум: в холле базили и щебетали чужими голосами. Стеша, в узких джинсах и не застёгнутой ещё рубашке, собирала в высокий хвост волосы.

Стук в дверь и одновременное бесцеремонное нажатие на ручку заставили вздрогнуть и судорожно схватиться за пуговицы: в комнату проскользнул Олег. Сегодня особенно начищен, улыбчив и душно обходителен.

– Ты чего тут копаешься? – прошептал, оглядывая её с ног до головы взглядом, от которого хотелось закрыться. Притянул к себе за талию, сорвал поцелуй, не замечая воинственно выставленных вперёд девичьих локтей. Его дыхание, горячее и тревожное, заставило сердце замереть. Его руки скользили по напряжённым плечам девушки, по узкой спине, спускались всё ниже...

Стеша нервно выдохнула и рывком отстранилась:

– Не надо.

Он сделал вид, что ничего не заметил. Улыбнулся беззаботно.

– Ты в курсе, мы всем составом к вам пожаловали?

– Так там – твои родители?!

Он усмехнулся:

– А я о чём? Отправили тебя позвать предстать пред ясны очи.

Стеша почувствовала, как краснеет. И щёки, и уши, и шея, кажется, даже припухли от волнения. Олег хохотнул:

– Брось! Ты их что, боишься?!

– Не в том дело, – она с трудом подбирала слова, никак не могла собраться. – Я не ожидала, что они сегодня придут.

Олег улыбнулся ещё шире:

– А причину их прихода тебе рассказать? Или сюрприз хочешь?

Девушка почувствовала, что сердце оборвалось и с размаху ухнуло в ледяной колодец, так плохо ей стало.

– К-какой сюрприз? – она понимала, что выглядит, как последняя идиотка – и так всё ясно. Но неужели вот так, сейчас, при всех, ей придется принимать какое-то решение? Что-то правильное говорить, обещать? Неистово и преданно улыбаться?

– К которому ты совершенно не готова, – он оценивающе посмотрел на неё, по-хозяйски уверенно распахнул дверцы шкафа и вытащил тонкое шёлковое платье, нежно-голубое. – Вот в это переоденься, – не признающим возражений голосом объявил он и, сунув платье ей в руки, выскользнул из комнаты.

Олег всё обставил с большим пафосом. Бросание на одно колено, прикладывание к руке, влажный взгляд, высокопарные речи – полный голливудский комплект. Кто его надоумил – неизвестно. Но обе маменьки умиленно складывали руки, вздыхали и закатывали глаза.

Уже составлены списки гостей. Выбрано место бракосочетания и свадебного пира. Уже продуманы развлечения и подарки молодым. Мама только изредка поглядывала на Стешу, справлялась, согласна ли она.

Та вначале кивала, выискивая в душе искорку радости и предвкушения счастья, потом перестала. Всё решено без неё.

Отец после ухода гостей похлопал по плечу:

– Не трусь, дочь. Олечка хороший парень, перспективный, серьёзный, мотивирован на успех, и к тебе хорошо относится. Вы только с детками повремените, чтоб и у него всё сложилось, и ты не в домохозяйках осталась, с твоей-то головой. Я, кстати, с Василь Геннадьевичем уже всё обсудил, завтра к нему съездишь, познакомишься поближе с будущим начальником. И там, – он выразительно изогнул седую бровь, – очаровательней улыбайся – такая работа на дороге не валяется.

Итак. Муж выбран. На работу, считай, пристроена. Дом и дерево – на очереди. С детьми разрешили повременить.

Дорога из жёлтого кирпича упёрлась в ворота Изумрудного города⁶.

* * *

На следующий день она поехала знакомиться с будущим шефом. Нервно поглядывая на часы, она притопывала ногой, мысленно подгоняла автобус, жёлтое туловище которого уже показалось и встало на перекрёстке, перед красным сигналом светофора.

– Ну, пожалуйста! – опаздывать на такую встречу не входило в её планы.

Транспорт неторопливо подъехал к остановке, важно распахнул двери, впуская замерзших пассажиров внутрь. Медлительные горожане оплачивали проезд, чинно проходили через турникет. Стеша уже готова была взвыть. Заскочив в салон, она плюхнулась на свободное сиденье у окна. В сумке завибрировал сотовый. Машинально посмотрев время и отметив, что Василь Геннадьевич может уйти обедать, она увидела на аватарке улыбчивое лицо Динки Ивановой – институтской подруги.

– Чего сегодня вечером делаешь? – Стеша ничего не планировала. – Тогда пошли с нами, мы в «Точку»⁷ собрались, прикинь, там «Гераклион»⁸ играет сегодня. Ирка добыла приглашения. Пойдёшь? Можешь и Олега своего взять, места есть.

Стеша посмотрела в окно: небо набухло тяжёлыми тучами. К вечеру наверняка пойдет дождь.

⁶ «Волшебник Изумрудного города» – известная сказка А. Волкова.

⁷ Такого клуба в Москве не существует. Существовавший до весны 2003 года одноименный клуб закрыт.

⁸ Несуществующая в действительности рок-группа, любые совпадения случайны.

– Пойду. Без Олега, – коротко отозвалась она, не решившись рассказать о вчерашнем предложении руки и сердца. Тем более что с Олегом давно повелось – звонил только он. В строго определенное время. Он не любил экспромтов. Он не любил неожиданностей и сюрпризов. Даже готовя подарок, он всегда сообщал, что подарит – чтобы точно «попасть».

Двери автобуса распахнулись, впуская очередную группу пассажиров. Сердце ёкнуло от неожиданности – в салон входил вчерашний незнакомец из сквера. Тот, с широкой улыбкой и серыми лучистыми глазами. Заметив Стешу, удивился, но тут же подошёл. Чёртики в глазах с любопытством уставились на неё:

– Привет. Маленький город, правда? – у него бархатистый голос, в который хочется укутаться.

Стеша усмехнулась.

– Егор, – он тихо представился. – Ты далеко путь держишь?

Девушка назвала адрес, втихоря разглядывая незнакомца. Худощавый, но плечистый, высокий, лицо едва тронута загаром. Улыбка открытая, чуть сдержанная.

– Ты там надолго планируешь?

Пожала плечами:

– От силы час.

Он понимающе изогнул бровь.

– Я могу подождать? – чуть склонил голову к плечу в ожидании ответа.

Стеша посмотрела прямо в его глаза: чёртики притихли, замерли, наострив лохматые ушки.

– Подожди.

И весь разговор с Василием Геннадьевичем пыталась сосредоточиться и выбросить из головы этого странного парня, который, конечно, поехал дальше. И она его вряд ли когда-то увидит – не бывает в Москве таких совпадений.

Но, выходя из здания, сразу заметила его: подтянутая фигура в форме и с букетом алых роз.

– Один час двадцать минут и сорок шесть секунд, – улыбнулся он, вручая ей цветы.

* * *

Клуб «Точка» располагался в самом центре. Небольшая сцена, хороший звук, просторный танцпол сделали его культовым местом отдыха молодежи. Здесь не было без башенных малолеток. Сюда приходила почтенная публика, в душе которой играл рок.

Стеша выбралась из душного метро. Начал накрапывать холодный дождь, и девушка поставила бледное лицо апрельской прохлады. Идти на концерт особого желания не было, но отказаться сейчас – значит, нарваться на Динкин допрос с пристрастием, а психологических бесед и экзерсисов сейчас хотелось меньше всего.

Встреча с Егором всколыхнула что-то в душе, подняла со дна илистую муть, неплотную и неясную. С ним оказалось легко. Интересно. Он никого из себя не строил, не пытался произвести впечатление. Рассказывал почти всю дорогу до метро о кораблях и море. А потом попросил номер телефона. Она сделала вид, что не услышала.

– Стешка! Пришла! – около входа в клуб к ней подлетела Динка, сумасшедший начёс на её рыжей шевелюре делал подругу похожей на огненный смерч. – Глянь, какая штука у меня есть.

Она закатала выше локтя рукав пальто, демонстрируя подруге татушку с феерическим драконом с обложки последнего альбома «Гераклиона». Стеша вытаращила глаза:

– Ты с ума сошла, что ли? Всю жизнь теперь прятать!

Подруга самодовольно ослабилась:

– Деревня ты! Это ж временная. Но, зацени, как круто?!

Стеша пожала плечами.

Молодой парень в гардеробе принял их пальто, мельком глянул на пригласительные и выдал ядовито-зелёные браслеты:

– Вам в «Зелёную зону», прямо и направо, рядом с баром.

– Кру-уто! – Динка уже пританцовывала. Взбитые густой пеной рыжие патлы походили на пар от закипающего чайника. – Ирка тоже уже должна подойти.

– Она там, в зале? – Стеша чувствовала першение в горле, от надрывного рева электрогитары подташнивало и звенело в висках.

Динка неопределенно махнула головой.

– Какая разница? Не там, значит, подойдет. Большая девочка.

Стеша покачала головой и полезла в сумку за телефоном:

– Договорились вместе, значит, и надо вместе, – она посмотрела на горящую нетерпением подругу с жалостью. – Ты иди. Я дозвонюсь до неё и найду тебя в этой самой зелёной зоне.

Динка раздраженно фыркнула и бросилась внутрь. Стешу, словно цунами, накрыло оглушительным слайдом⁹ бас-гитары, запахом сигарет и сухого дыма. Подруга скрылась в мерцающем мареве огней и тяжёлого бита.

Стеша присела на край дивана, достала телефон. Зелёный значок месседжера с красной циферкой непринятого сообщения. Ирка писала, что задерживается минут на десять, и просила подождать её в холле. «А то где я вас там искать буду», – приписала подруга.

Стеша посмотрела на время отправки сообщения: Ирка три минуты как должна быть здесь. Девушка решила попробовать набрать Иркин номер, но связь ловила плохо, треугольник шкалы то мелькал на единичке, то пропадал вновь. Стеша, выставив вперед руку с сотовым, пошла по вестибюлю искать связь.

Лучше всего «ловило» в туалете, причём чем выше, тем лучше.

Сбросив туфли, Стеша вскарабкалась на крышку. Раздались протяжные, медлительные, как майский мёд, сигналы.

– Я уже у метро! – крикнула Ирка в трубку и отключилась.

В туалет кто-то зашёл, в нос ударил приторно-сладкий аромат духов. Стеша аккуратно спустилась, надела туфли.

– Алё, Котик, – прошептал кокетливый голосок. – Ну, я соскучилась уже. Ты когда подъедешь? – Стеше неловко было, но и выходить из кабинки сейчас, посередине разговора, тоже как-то... неловко. Она замерла и притихла, стараясь не прислушиваться. Ей представлялась блондинка в провокационном мини и в кукольно-розовом топике.

Незнакомка радостно вскрикнула:

– Правда? Уже здесь?! Я бегу-бегу!

И она, окутанная конфетным ароматом, выпорхнула из дамской комнаты.

Стеша вышла из кабинки, вымыла руки, пригладила волосы. В таком освещении она была похожа на панночку из Гоголевского «Вия»: бледная кожа, брови вразлёт, пронзительный взгляд. Веночка не хватает и белого балахона. Девушка хмыкнула, подхватив сумочку и сотовый, направилась к выходу.

У гардероба миловались двое. Блондинка в головокружительном, едва прикрывающем попу, мини, и на двенадцатисантиметровых шпильках тёрлась о высокого худощавого парня, висла на его шее, отставив ножку в чулках в крупную сетку. Тот млел и таял от внимания, улыбался глупо и влюблённо.

⁹ *Слайд* (англ. *Slide guitar*) – особый метод или техника игры на гитаре, при котором играют при помощи слайда (от англ. *slide* – скользить, плавно двигаться), надеваемого на палец. Слайд во время игры не отрывается от поверхности струн, а скользит по ним. Струны при этом не прижимают к ладам. Получается характерный для рок-металла звук.

Стеша замерла, почувствовав, что дышит с трудом. Отпрянув, присела на край дивана. Тоскливая музыка знаменитого Аллегретто Палладио в талантливой рок-обработке, нелепо названная кем-то «Танго смерти», заставила сердце сжаться.¹⁰

Незнакомка нежно прильнула к губам парня, прижалась к нему стройным телом. Его руки обхватили талию, чуть надавили на спину, впечатывая упругие формы в своё тело, скользнули ниже поясницы, поглаживая упругие бедра.

Мысли медленно и тяжело, будто жернова, кружились в такт вырывающейся из зала музыки. Ударные бились волнами о грудь, пульсировали в висках.

Стеша облизнула пересохшие губы. В руке завибрировал телефон: не глядя, она знала, что это – Ирка.

Входная дверь распахнулась, обдав целующихся апрельской свежестью и ароматом дождя. Ирка громогласно поздоровалась со всеми присутствующими, чем невольно отвлекла обнимающуюся парочку. Парень, ещё томно прикрывая глаза, оглянулся и замер:

– Олег? – голос Ирины сорвался, глаза округлились, взгляд скользнул по прижавшейся к парню нимфе.

– Олежа, кто это?

Парень моргнул, по белому лицу пошли малиново-красные пятна, в глазах читался судорожный поиск алгоритма оправданий. Ирина отвела взор с его окаменевшего лица и встретилась взглядом со Стешей.

Савельев чуть отстранился от подруги, автоматически приняв отрешенный вид, но по лицу невесты понял, что она видела всё.

Всё, что ей видеть не полагалось.

Все трое замерли. Из зала вырывалось волнами аллегретто. Пауза. Стремительный каскад по оголённым нервам. Незнакомка в мини обиженно надула губки, уже открыла рот, чтобы начать ныть.

Ирина шумно выдохнула: махнув через крохотный вестибюль, она схватила подругу за локоть и поволокла вон, мимо остолбеневшего и шепчущего невнятные оправдания Олега.

Слайд. Пауза. Аккорд. Его лицо плыло перед Стешей, словно в замедленном немо кино. Она до мельчайших подробностей видела глаза, чуть растрепавшуюся в объятиях знойной красотки прическу, к которой он никогда не разрешал ей, Стеше, прикасаться, расстёгнутый ворот рубашки, которую она, Стеша, ему подарила на день рождения. Терпкий аромат модного одеколона смешался с приторно-сладким конфетным запахом блондинки, вызывая приступ дурноты. Вот же только вчера в любви и верности клялся!

И в следующее мгновение она оказалась на свежем воздухе. Прохлада чистого апрельского вечера, чуть накапывающий дождик освежили ее, ворвались в лёгкие, омыли глаза, ноздри.

Как куклу её засунули в жёлтое такси.

Над ухом что-то орал Иркин голос. Хлопнула дверца авто.

Крепкие, словно тиски, объятия подруги.

– Всё, всё, – шептала она, прижимая голову Стеши к своей груди, неистово приглаживая волосы, озябшие плечи, продрогшую спину.

¹⁰ *AllegrettoPalladio* – известное произведение Антонио Вивальди (по некоторым источникам – Карла Дженкинса) для струнного оркестра.

* * *

– Стеша! – вскрикнула мать, стоило дочери переступить порог. – Объясни мне, что происходит?! Олег оборвал телефон, волнуется, переживает. Говорит, вы повздорили, ты убежала и теперь не берешь трубку. Что за ребячество! Разве взрослые люди так поступают?!

Это всё было высказано сразу, в запале, прямо на пороге уютной и благоустроенной квартиры.

– Я не хочу его видеть, – коротко сказала девушка, просачиваясь мимо матери домой. Устало присела на пуф, сбросила туфли.

Татьяна Николаевна упёрла руки в бока, посмотрела на дочь сердито.

– Что значит «не хочу видеть»?

– То и значит. Не хочу. И не буду.

Мать на мгновение потеряла дар речи, беспомощно развела руки, но собралась быстрее, чем это можно предположить.

– Это что же ты могла такое учудить, что тебе стыдно ему на глаза показываться?! И почему ты раздета? Где твоё пальто?! – её голос становился всё громче и нервнее.

Ирина, неприкаянно стоявшая на пороге и беспокойно посматривавшая то на Татьяну Николаевну, то на подругу, поняла, что ей пора вмешаться:

– Татьяна Николаевна, это, возможно, не совсем моё дело, но вы на Стешу зря нападаете. Олег с какой-то кралей в клубе лизался. Я это видела своими собственными глазами. И Стеша – тоже.

Татьяна Николаевна не удостоила Ирину взглядом, бросила через плечо:

– Вы совершенно правильно заметили, Ира, это не ваше дело...

Ирка покраснела, сделала глубокий вдох и выдох, стараясь успокоиться и не нагрубить.

– Мам, не надо так с Ирой. Она моя подруга... И она говорит правду. Олег целовался с другой девушкой. И ему это чрезвычайно нравилось.

Татьяна Николаевна всплеснула руками:

– Этого просто не может быть. Ты наверняка что-то неправильно поняла!

– Ни фиги себе неправильно! – Иванова вытаращила глаза и скривилась. – Что тут можно неправильно понять?!

Не говоря больше ни слова, Стешина мать схватила Ирину за локоть и буквально вышвырнула в коридор, с грохотом захлопнув за ней дверь.

Стеша покачала головой и направилась в свою комнату.

Татьяна Николаевна бросилась за дочерью:

– Стой, не смей уходить, пока я не закончила с тобой разговаривать!

Девушка зашла в свою комнату и закрыла за собой дверь.

* * *

Наконец, она осталась одна.

Не раздеваясь, легла на диван, положив ноги на подлокотник – не очень удобно, но всё равно.

Обрывки фраз, буквы сложились в вопрос, который повис над её изголовьем, подсвечивая его изумрудно-красным маревом: «За что?»

Что она, Стеша Сомова, двадцати трех лет от роду, умница и отличница по жизни, послушная дочь и верный товарищ, сделала не так?

«Всё, что нас не убивает, делает сильнее. Отлично. Новость об измене Олега меня не убила. Значит, сделала сильнее. Для чего? Какие планы у Всевышнего на меня, чтобы прове-

сти через эту грязь и мерзость? Через вот этот взгляд матери и слова «Что ты там такое натворила»?»

Телефон вздрагивал и гудел, не переставая. Пришлось встать и выключить.

Требовательно постучала мать:

– Степанида, открой немедленно! Что за глупые выходки?!

Стеша тупо уставилась на дверь и включила магнитофон громче. Стоял как раз диск группы «Ария». «Есть точка невозврата из мечты».¹¹ «Это как раз про меня», – Стеша опять легла.

Мерзко не то, что он полюбил другую: от этого никто не застрахован. Мерзко враньё. Грубое и систематическое. Заставлять её звонить строго по времени, встречаться в строго отведенные дни, строить совместные планы, предлагать платье, в котором ей следовало предстать перед будущей свекровью...

Какую роль он ей уготовил? Хотя... Стеша и так понимала: ждать Олега с работы, терпеть его «занятость», не задавать «лишних» вопросов, пока он будет наслаждаться жизнью во всех её проявлениях. Перед глазами встала целующаяся пара. «Котик», блин. В носу засвербело от всплывшего в памяти приторно – сладкого аромата.

Бросив в сумку пару сменного белья, свитер и запасные джинсы, она пересчитала отложенные на отпуск деньги. Торопливо вышла из комнаты, практически нос к носу столкнувшись с матерью.

– Ты куда собралась?!

– Проветриться, – и, не дожидаясь, пока мать опомнится, подхватила сапоги и выскочила на лестничную площадку. Сбежала на несколько пролётов вниз, только тогда нажала кнопку вызова лифта, уже слыша в спину материнский окрик. Обулась в кабине и, не оглядываясь, пробежала через пустой холл и выскочила во двор.

Мчались, окатывая её серебристыми огнями, машины, москвичи спешили домой, к плотному ужину под равнодушный шёпот ТВ, к развлекательным шоу и сериалам. В кармане надрывно гудел «Кумпарситой» телефон.

На душе было пусто, гадко. И непонятно, что больше подкосило – предательство Олега или уверенность матери в его правоте.

Железнодорожный вокзал. Оранжевый продолговатый билет в один конец в город, где живёт парень с бесенятами в омуте серых глаз.

Душное тепло плацкартного вагона.

Она прошла на свою «боковушку», мельком взглянула на брошенную пассажиром верхней полки спортивную сумку и устало присела на своё место, уставившись в черноту ночи.

В отражении мелькнула смущённая улыбка, тёмная фигура в военной форме замерла у откидного столика.

– Привет, – бархатистый голос, в который хотелось укутаться.

Она резко обернулась от неожиданности: светлые глаза смотрели удивлённо и улыбались. Чёртики в их глубине озадаченно перешёптывались. Разве такое бывает?

Егор покосился на онемевшую девушку, снял чёрный китель и присел напротив.

Чёртики в светлых глазах замерли в ожидании:

– Чаю хочешь?

¹¹ «Точка невозврата» – песня российской рок-группы «Ария», слова Маргариты Пушкиной, музыка Михаила Житняка, Виталия Дубинина.

Наталья Ильина

Живу в Санкт-Петербурге. Закончила литературные курсы «Мастер Текста», участник Студии при издательстве Астрель СПб – АСТ. Номинант конкурсов «Рукопись года» – 2018 и «Новая детская книга» – 2018. Хозяйка и руководитель конного клуба. Немного пишу. Представленный ниже рассказ – номинант конкурса «Русский Гофман» – 2018. Больше обо мне и моём творчестве: писательская страничка: <https://vk.com/public168868119/>.

Девять дней

– Начинайте считать, Ирочка, – сказал симпатичный анестезиолог, спрятавший аккуратную бородку за голубой бумажной маской, – от десяти к одному...

– Десять, – проблеяла я трясущимся от страха голосом, косясь на операционную сестру, воткнувшую в бутылочку на капельнице осиное жало иглы.

– Девять, – поршень ушёл в пластик шприца до упора. Заложило уши.

– Восемь, – сестра исчезла из поля зрения, зато анестезиолог внимательно всматривался мне в лицо, нависая над головой.

– Семь, – веки отяжелели, я таращила глаза изо всех сил, сопротивляясь действию наркоза.

– Шесть, – все размылось. Последнее, что я помню – это исчезнувший куда-то страх, и ставший неподатливым язык. На счёт «пять» меня уже не хватило.

Все умирают по-разному. Я умерла на операционном столе, 18 марта, в 11 часов 34 минуты. Со странным спокойствием наблюдая откуда-то из-под потолка, как суетится бригада медиков над моим безжизненным телом. Мне хотелось прошептать им «не надо», когда они взялись за реанимационные мероприятия. Мой раскрытый живот, с торчащими из него зажимами и дренажными трубками больше никого не интересовал. Что и не удивительно. Кому может быть интересен перитонит, если у пациента внезапная остановка сердца? Да и операция почти завершилась.

Сначала я могла только смотреть, словно от меня остались одни глаза. Слух вернулся чуть позже. Было странно видеть своё запрокинутое лицо – бледное и очень спокойное. Ещё более странно звучали тревожный писк аппаратуры и отрывистые сухие фразы врачей, пытавшихся вернуть меня к жизни. Меня? Слабое удивление пробилось сквозь ватную отрешённость. Я попыталась поднять руку, но её не было. Я её чувствовала, но не видела. Руки, ноги и вся остальная я лежали внизу, прямо подо мной. Дежурный хирург жестом обречённого стянул с лица маску, хрипло обронив:

– Фиксируем. Смерть наступила в 11–46...

Да нет же! Вы ошиблись на целых двенадцать минут...

День первый

Оказалось, что мне сложно оторваться от своего тела, такого привычного и такого бесполезного сейчас... Его-меня накрыли простынёй и вывезли из операционной на той же самой каталке, на которой туда привезли, и которая так и оставалась стоять в коридоре. Молодой санитар в синем проворно вкатил свой груз в лифт, клацнула, захлопываясь, дверь с круглыми, «водолазными» окошечками-иллюминаторами. Если бы я не оказалась бесплотной тенью, то вот так нависать над парнишкой у меня бы не вышло – места было маловато. Восприятие оставалось ровным, отстранённо-любопытствующим, словно на ту, кем я теперь стала, всё ещё действовал наркоз.

Пропутешествовав за каталкой по мрачноватой кишке подвального коридора до железных, покрашенных серой краской дверей, с отметающей всякие иллюзии надписью «морг», я убедилась, что способна испытывать слабое эхо эмоций. Неожиданно всплыло всё, что я когда-либо представляла себе об этом месте, и что-то похожее на страх впервые коснулось заторможенных чувств. Я не хотела оказаться за этими дверьми! Но оказалась, влетев внутрь за накрытым простынёй телом, словно была воздушным шариком, привязанным за ниточку к никелированному бортику каталки.

Заметавшись у самого потолка, под слабо гудящими лампами, я испытала приступ паники. Парнишка-санитар передал какие-то бумаги другому, тоже молодому, санитару. Или врачу?

– Свистельникова Ирина Анатольевна. Двадцать семь лет. Эта, что ли, из первой хирургии? – буднично спросил он. – Уже звонили. Паталогоанатома вызвал, ага. Вскрытие. Бедняга Толмачёв, второй труп на столе за месяц...

Он откинул простынь с моего лица.

– Красивая.

Я почти не слышала, о чём они говорят – произнесённое вслух имя обрушило стену, отгородившую меня от воспоминаний, и они хлынули обжигающей волной.

Мама. Молодая, хохочущая надо мной. Я, лет трёх от роду, важно шаркающая по комнате старой нашей квартиры в её «выходных» лаковых туфлях...

Папино лицо – голубоватое, спокойное, в окружении гвоздик, которых полон гроб, и бабушкин шипящий шёпот: «поцелуй папу, деточка, поцелуй». Я не смогла...

Отчего-то – море. Спокойный набег невысокой волны на гладкие окатыши камней...

Никита. Вернее – его тёплая грудь под белой рубашкой, и толчки сердца, которые я ощущала всем своим телом, пока он нёс меня на руках по ступенькам ЗАГСа вниз, к украшенной кольцами и лентами машине.

Сашенька. Сморщенная, красно-коричневая, совершенно обезьянья мордашка, с кривящимся ротиком. Её первый крик... Сашка!

Я метнулась туда-сюда, в поисках выхода. Ужас долбился в стены, рикошетил обратно в меня, усиливаясь, гремя, грохоча...

– Не-е-е-е-т! Я не могу умирать! Мне нельзя! У меня дочь!

Я кричала, срывая горло, чувствуя, как наливается кровью лицо. Лицо, которого у меня больше не было...

День второй

Совершенно седая, я точно знала это – нельзя было не посидеть там, в прозекторской – наплевать, что сидеть было уже нечему, я, вдруг, оказалась снаружи, возле больницы. На ступеньках сидел, уронив голову на руки, Никита. Он был в тех же джинсах и куртке, в которых провожал меня в больницу. Локти упирались в колени длинных, сильных ног спортсмена, на тёмной макушке подрагивал непокорный вихор.

Я задохнулась, сердце пропустило несколько ударов. Впрочем – это ведь мне только казалось? Рванулась к мужу. Обнять? Утешить? О, да! Я попыталась. Невидимыми руками, не ощущая прикосновений.

– Никита! Я здесь! Я ещё здесь!

Конечно, он не услышал. Поднял голову. Глаза сухо блестели. Красные, припухшие. На подбородке и щеках темнела щетина. Вряд ли он спал в эту ночь, ведь я умерла вчера...

– Где Сашка, Никита?

Словно в ответ мои слова, он вытащил из кармана куртки мобильный.

– Мама, – голос любимого звучал глухо, хрипло – я никогда не слышала его таким, – они сказали, что результаты вскрытия будут завтра... Саша как? Нет, надо же решить вопрос с похоронами.

Он дёрнулся, произнес последнее слово, голос сорвался. Зажав микрофон второй рукой, мой муж протяжно выдохнул, выпуская из груди хриплый стон, и вернулся к разговору. Разговору с моей мамой.

Я кричала от боли, от сочувствия, от невозможности защитить его от страданий. И никто, кроме меня самой, не слышал этот крик.

Никита тяжело поднялся со ступеней, ссутулился, словно придавленный невидимым грузом, сунул руки в карманы наглухо застёгнутой куртки и побрёл к машине. Я видела её, тёмно-синюю, чистую, отражающую в своих лакированных боках начало весны.

Ох, он и гнал! Я была рядом, я так хотела его остановить, успокоить, но это было невозможно, хоть сто раз вцепись я в него бесплотными руками, ощущая, как ломаются ногти о жёсткую кожу куртки...

– Осторожнее, любимый! Саша, Саша же!

Нет, он не слышал, но постепенно снизил скорость, дав выход ярости и отчаянию.

– Ирка-Ирка, что же ты наделала, Ириска? – он бормотал, выкручивая руль, он горько выговаривал мне свою боль. Свой страх. Свою обиду.

А я молчала, вздрагивая от укоряющего, отчаянного голоса мужа. Зная, что он прав. Зная, что сама виновата...

Живот заболел не резко, тянул и тянул себе пару дней. То прихватывал, то отпускал. То выше, то ниже. А то – вообще в поясницу отдавало. Я спасалась болеутоляющими и недоумевала, отчего это сместился цикл? Никита отругал меня только в воскресенье, когда мы бродили по океанариуму, где так нравилось Сашке. Она бегала от одного морского чуда к другому с криками «Мама, сотри, сотри!» – это «смотри» у неё такое забавное...

Там мне и стало плохо по-настоящему в первый раз. Подхватив бегущую прямо на меня дочку, и закружив её, я чуть не рухнула с ней вместе – острая боль резанула во весь живот, на прострел. Так, что я мгновенно покрылась холодным потом, впервые осознав, что это не фигура речи. Но и тогда я не испугалась за себя – только за Сашку. А боль отступила, и скорую мы вызвали только к утру, когда поднялась температура и разогнуться без стона и слёз я уже не могла...

Прости меня, Никита.

День третий

Что я здесь делаю? Мы давно не живём в этом дворе, в этом монументальном, с колоннами и арками, доме. Здесь, среди старых тополей, под гомон детских голосов на большой площадке, прошло моё детство. Вон, то самое окно, на третьем этаже, где я любила сидеть, забравшись с ногами на широкий подоконник. Читала, мечтала, воображала себя то принцессой, то знаменитой актрисой, то Нобелевским лауреатом по физике, открывшим миру принцип перемещений во времени...

Ничего подобного со мной не случилось. Я стала дизайнером.

Пустое креслице проржавевших за зиму качелей тихонько покачивалось, тонко поскрипывая. Эти качели поскрипывали всегда, сколько я их помнила.

– Выше, папа, выше! – солнце светило в глаза на взлёте, я жмурилась, тень набегала на сомкнутые веки в обратном движении, и мне казалось, что я лечу.

Сердце, которое не должно было существовать в несуществующем теле, сжалось.

Скоро увидимся, папа.

День четвёртый

О, господи! Мама!

Она никак не могла так постареть за несколько дней! Моя сильная, добрая, статная мама...

Уголки её губ опустились, обрисовав морщины, бегущие вниз. Глаза – яркие, голубые, оттенённые покрасневшими белками. Они все – в жилочках капилляров... Чёрный платок... Где ты взяла его, мама? Тебе не идёт чёрное! Мамочка моя.

Я прильнула к ней, как в детстве, утыкаясь лицом в родные колени. Ничего не чувствуя, но помня – тепло её тела, запах, такой родной, такой... мамин. Целовала и целовала набрякшие венками руки эфемерными губами, роняла призрачные слезы. Мама!

Она вздрогнула, оглядела свою крохотную кухню. Снова стала смотреть на стол. На фотографию. Выгоревшие на солнце волосы, облупленный нос, улыбка до ушей, тень от пышной пальмы, которую я обняла, несмотря на обманчивую мягкость колючей коры...

Вот оно – море. Мне шестнадцать. Мама читает под зонтом на санаторском пляже, а я, едва успевая обсохнуть, снова ковыляю по горячей гальке туда, к воде, зеленовато-голубой, солёной. Огромность и мощь живого, дышащего свободой и неукротимостью моря потрясли меня. И остались во мне навсегда.

– Мамочка, милая! Прости! – я задыхалась от слёз, глотая ненужный мне теперь воздух. Часы на стене оглушительно тикали. Мама гладила и гладила старую фотографию.

День пятый

Сашулька сидела на ковре и сосредоточенно раскрашивала «рисовайку», так звались раскраски. Я опустилась на колени и подула на непокорный тёмненький завиток на макушке.

– Мама? – она оглянулась, округлив глаза.

Я вздрогнула.

Никого не обнаружив, дочка захлопала глазёнками, губы задрожали.

– Мама? – уже тише, очень жалобно...

Я завyla, раскачиваясь, вцепившись в кулак зубами, словно могла напугать её криком. В комнату заглянул Никита. Осунувшийся, небритый. Под глазами залегли синие тени.

– Малыш, всё хорошо?

– Ошо, – Сашка глотала буквы, когда волновалась.

Она встала и пошла к отцу, но на полпути оглянулась, и посмотрела прямо на меня.

– Мама? – она перевела глаза правее, потом левее...

Я окаменела. Никита подхватил её на руки, прижал к себе кудрявую головёнку, целуя. В глазах плескались отчаяние и боль.

В детской – маленькой комнатке, которую мы отделявали с такой любовью, ожидая появления Сашульки на свет – горел весёлый полумесяц ночника. Доченька моя спала. Я легко коснулась щёчки, словно опасалась её разбудить... Длинные уши Бабуся – она сама дала смешному кролику имя – были зажаты в кулачке. Обычно я вынимала их, и пристраивала игрушку рядышком, чтобы просыпаясь, она могла найти своего маленького друга... Попыталась и сейчас. Разумеется, ничего не вышло.

– Спи, радость моя, золотая головушка,

И пусть тебе снятся чудесные сны,

А под окном поёт песню соловушка...

Я пела колыбельную, которую сочинил Никита. Как пела её каждый вечер, но не сегодня – сегодня, пряча свою боль, её пел дочке папа. Мой единственный мужчина... И всё-таки я не могла уйти, не спев ей. Сашка приоткрыла глазки.

– Мама... – она счастливо улыбнулась в полусне, реснички – пушистые крылья – сомкнулись.

День шестой

Никогда не думала, что на мои похороны соберётся так много народа. Родные, одноклассники, однокурсники, друзья... Так много знакомых лиц. Мне было не по себе. Но я уже поняла, что не выбираю, где появиться и когда исчезнуть. Чувства мои стали глуше, словно я устала или напилась успокоительного.

Мамочка и Никита стояли у гроба рядом, держась за руки, словно не давали друг другу упасть. Они и не дадут, я это знала. Свекровь тоже была тут. Печальная, соответственно слушаю. В чёрном, соответственно церемонии. Она всегда соответствовала. Тихонько выговаривала Никите, что он зря не дал дочери проститься с телом. Так и сказала! Никита молча отстранился. Мелькнули и пропали желваки на скулах. Мама тихонько пожала ему руку. Моя убитая горем мама поддерживала моего убитого горем, высохшего лицом мужа.

– Простите! Простите меня! Я никогда вас не оставлю!

Земля заколотила о крышку гроба, в котором лежала я. В белом платье. Засыпанная розами. Кроваво-красными.

Все разошлись, отправились на поминки. А я уйти не могла. Свежий холмик, с воткнутым в изголовье красивым полированным крестом, с фотографией в рамочке, прислонённой к нему, с венками в траурных лентах – не отпускал.

Прости меня, Ира? Как простить себя саму?

День седьмой

Я мечтала... мы мечтали поехать вместе к океану. Никита рассказывал мне, что океан и море несравнимы. Зная, что море завораживает меня, он обещал, что океан меня потрясёт.

Гигантские волны с грохотом разбивались о скалистый берег, осыпая всё вокруг брызгами. Вал за валом, неумоимо катили к моим ногам. Белая, вспененная у берега, чуть дальше вода голубела, а ещё дальше – синела до глубокого аквамарина. Горизонт был нечётким, размытым. Где заканчивался океан и начиналось небо мне было не понять. Я не чувствовала запахов, но могла их вообразить, не ощущала ветра – но видела его, гнуций кустарник на верхушках скал, срывающий пену с волн. Я могла бы зайти в эту воду и плыть, плыть, пока хватит сил, но не стала. Просто стояла на берегу и слушала биение жизни.

День восьмой

Я больше не слышу звуков. Мама гуляет с Сашулькой во дворе нашего дома. Сашка на качелях, что-то весело кричит бабушке. Я знаю, что она кричит, взлетая к небу...

День девятый

Не понимаю, где я. Исчезло ощущение тела. Пропала возможность видеть. Осталась только память. Необъятная, как океан. Сохранившая каждый миг жизни, вплоть до самых незначительных мелочей... Простите меня, любимые. Прощайте!

– У-а-а-! – кто это надрывается так отчаянно? Я?

Свет режет глаза, жмурюсь. Крошечное тело содрогается от крика. Как же больно, оказывается, делать первый вдох!

Последнее, что я запомнила, чей-то голос:

– Девочка. Рост – пятьдесят сантиметров, вес – три двести. 27 марта, 11–34...

Джабраил Тайсаев

Осетин по национальности. Родился и всю жизнь живу в Нальчике, это мой любимый город теперь уже на всю жизнь. Очень люблю животных, потому и зоологом стал, но волею судьбы пришлось поменять профессию и теперь я философ, но биологию не забываю. Я весь варюсь в науке всю сознательную жизнь, ещё со школьной скамьи фактически. А рассказы стал писать просто для души совсем недавно. Литература – это моя важнейшая любовь в жизни, наряду с биологией и философией. Вот и стараюсь совмещать. Ещё давно и серьёзно занимаюсь этнологией и антропологией. Больше всего на свете ненавижу лицемерие, ханжесство, национализм и сребролюбие, а на первом месте для меня любовь и доброта.

Почитать: <https://ficwriter.info/component/comprofiler/userprofile/2016.html>

Мама, не закрывай мне глазки

Джек стоял у ворот своего дома и вместе со своим псом, огромной дворнягой по кличке Джульбарс, доедал бутерброд. Он отламывал кусочки и кидал собаке прямо в рот. Это был огромный ломоть хлебной корочки, на который была намазана сметана и обильно посыпана сахаром. Казалось, ничего более вкусного и быть не может.

Мальчик старался быстрее доесть свой завтрак, поскольку его внимание привлекала непривычная для этих мест толпа с другой стороны дороги, и, решив выяснить в чём дело, одним рывком пересёк улицу. Там были и его друзья, которые наперебой начали рассказывать, что умер один совсем маленький мальчик. Джек до сих пор не задумывался о смерти, для него она была чем-то далёким, но он уже понимал – это как что-то очень страшное, чёрное и безжалостное. Она приходит, и потом уже больше ничего не может прийти. И как мог ребёнок умереть? Он же не старенький.

Дети сгрудились в тени огромного тутовника, вокруг Оли Шпагиной, самой бойкой на их улице, эмоционально что-то им рассказывавшей.

– ...а рядом сидела мама, и он ей говорит, «мама не закрывай мне глазки», потому что он уже не мог видеть...

Мальчишку это так поразило, что дальше он уже ничего не слышал. Джеку стало смертельно жалко ослепшего мальчика, и он подумал о том, что может быть что-то, страшнее слепоты. Он представил себе сначала слепоту глаз, когда не видно света, а потом слепоту всей жизни, когда совсем уже ничего. Ему стало страшно, сначала за этого мальчика, потом за себя, а потом за всех на свете. Он пошел домой, чтобы спросить у мамы про смерть. Мама возилась на кухне:

– Мам...

– Я занята, что ты хочешь?

– Расскажи мне про...

– Сказала же, я занята!

Он снова выбежал на улицу, но идти к тому тутовнику больше не хотелось. Увидев знакомых больших мальчишек, которые развели костёр, он подошел к ним и присел на корточки, глядя в огонь. Пламя костра действовало на него успокаивающе. И тут кто-то бросил скомканный тетрадный листик, который вдруг зашевелился как живой, попытался распрямиться, почернел и «умер». Его мысли снова обратились к самой крошечной темноте, какая только может быть. В горло подступил комок, и он снова представил себе того мальчика, который просит, чтобы мама убрала руки с его глаз. Чтобы мальчики не видели его плачущим, он забежал домой, лёг на диван лицом вниз и заревел. Мама тут же прибежала и спросила озабоченно:

– Что случилось?

– Мама, мы все умрём? – спросил он почти шепотом, и потому мама его не расслышала.

– Что?

И тут ему показалось, что вопрос слишком дурацкий, и мама его поругает за то, что он из-за пустяков ревет. Он сказал только тихо:

– Скучно.

Мама лишь фыркнула и спокойно вернулась к газовой плите.

А он всё думал. Полная темнота – это плохо, а дальше? Темнота, которая темнее тёмного? А зачем тогда все рождаются? Зачем всё, если в конце ничего нет или, может быть, есть? Он больше уже не решался спрашивать у мамы.

Джек всё думал, думал, думал, может быть, звёзды на чёрном небе и есть всё, что когда-то рождалось и умерло, а может быть, смерти нет, есть только день и ночь. Наша жизнь – это день, когда всё видно, а потом будет просто ночь, как будто тебе кто-то закрыл глазки. Но эта

страшная ночь тоже может закончиться, и что тогда? Но ведь никто из той ночи не вернулся ещё. Или всё-таки вернулся, просто не знает об этом, не помнит?

Он закрыл глаза и увидел ночь, потом представил себе, что уже в той ночи закрывает глаза, и снова увидел ночь в ночи, потом и там закрыл глаза и снова увидел ночь.... И вдруг, в какой-то очередной ночи, ему показался свет, он не открывал глаза, он его увидел в той ночной ночи. Свет был очень приятный, он не ослеплял, а как бы разрывал черноту в самой середине... Но тут его разбудила мама и позвала обедать. Он так и не понял, что там – за чернотой, но точно знал, что-то есть, и ему стало легко и уютно на душе, он даже перестал переживать за того маленького безымянного мальчика.

Солнце встаёт над рекой Хуанхэ

Офис самой обычной оптово-закупочной фирмы, каких тогда было много по всей России, в центре провинциального города, в конце девяностых. Ребята расслабились после работы и шумно спорили, явно под воздействием горячительных напитков.

– Конфуций – это, конечно, сила, но кто голова, так это Кастанеда, он пошел дальше, ну, конечно, не без помощи кактусовой водки и дядюшки Хуана, – при этом парень, которого все звали Аликон, смуглый, как тамил, и худой, как тибетский монах, посмотрел уважительно на стоящую на столе текилу.

– Отстой все эти ваши ученые, нахватались на Востоке по верхам, Китай и только Китай, в крайнем случае, Индия, вот где истинная философия, – это кричал водитель КАМАЗа, кореец, здоровенный, как сумоист, с трудно произносимым восточным именем Саша, но все его называли по-простому – Чон Ду Хван. С философией он был знаком исключительно по застольным беседам и потому считал самыми великими китайскими философами Брюса Ли и Джеки Чана. Все взгляды устремились на Джека, который любил пофилософствовать, а тут молчал.

– Ну, – изрёк самый главный заводи́ла спора по кличке Святой, хотя святостью там и не пахло:

– Чё молчишь?

Джек лишь развёл руками.

– Ну, ты же был в Китае, – не унимался Святой.

Кто такой был Джек, сказать сложно, да он и сам уже не знал, несостоявшийся аспирант, затем предприниматель, а у них в фирме работал программистом. Ему тогда было за тридцать, но выглядел он старше. Видно, что жизнь его хорошо помотала. Джек вздохнул, пригубив из бутылки чешского пенного, и начал свой рассказ. Эту историю некоторые уже знали, но она по-прежнему вызывала смех, остальные были рады услышать новую байку. Все замолчали, даже игроки в покер отбросили карты и придвинулись к столу.

* * *

– Нас всех испортил денежный вопрос. И меня, и вас, и даже китайцев. Ведь жизнь – такая штука? В ней что главное? Правильно, главное – это мечта, простая, как восход солнца у реки. Да, многие вспоминают тяжелые девяностые с грустью, а по мне, так тогда проще всё было. Ушел из науки в бизнес. И вот я челнок, вольный купец. Что-то вроде Афанасия Никитина, но масштабом помельче. В общем, как тысячи подобных нам романтиков мелкого бизнеса – обычные индивидуальные предприниматели-спекулянты, обвешанные дешевенькими сумками из стекловолокна, устремились за бугор, дабы заработать на разнице цен. И вот шныряем мы по миру, прорвавшись сквозь железный занавес, но не ради красот заморских, и ищем там не смысл нашего существования, а что подешевле. А мимо проносится Голубая мечеть, китайская пагода, Колизей, сокровищница саксонских королей... ну и чё, это ведь нельзя купить и перепродать. Нам что-то попроще, двухкассетники, блузочки, недельки, носочки типа Adidas, дублёнки-пропитки, колготки и прочая архиважная импортная мелочёвка.

И вот, наконец-то, мечта моего детства, Китай, 1992 год. Ура! В сознании живо представлялся почему-то такой жёлтый пейзаж, ленивая упитанная река с поросшими бамбуком берегами. И видится такая величественная картина, как на старинной китайской акварели, в которой на фоне восходящего Солнца китайцы в азиатских конических шапочках и в белых ханьфу убирают рис. Действительность оказалась куда менее экзотичной. Мы попали в местечко с неприличным названием – Суйфэньхэ. Особенно весело было смотреть на наших чопорных женщин, когда им приходилось произносить название этого городка. Вид у них был такой сму-

щенный, как будто они только что сказали что-то архинеприличное. Я ожидал увидеть настоящую экзотику и получил. Все китайцы одеты вполне по-европейски, только бедно и так же, как и мы, рыщут в поисках заработка. Вывески все на русском: «Междупланетная связь», «Шуба магазин. Норка, бобёр и кусочки», «Маникюр забить вблосы», «Массаж делать. Постать банк. Татуировка», а ещё «Лечение ногой баночкой», «Чай секс-шоп», «Центр электроника у Васи», «Пяточный массаж», «Вся мирная пижама», «Фирма брюк “Две ноги”», «Оскорбить Уложить», «Половое здравосохранение» и в том же духе. В общем, неповторимый китайский колорит, совсем как в старых фильмах с Джеки Чаном, только вот пагоды куда-то подевались и до Шаолиня, говорят, далеко, в котором монахи теперь за деньги учат туристов аскетизму и равнодушию к деньгам.

Проблем с тем, чтобы выбросить мусор в Китае вообще никаких, выставил в гостиничный коридор – и всё. Мусорная служба оперативно работает. Правда, злые языки потом говорили, что это просто воры такие неразборчивые.

Ну, всё, дела сделали, закупили рубашки из мокрого шелка, китайские джинсы Levi's, болоньевые куртки, спортивные костюмы от бренда «Китайский Адидас» за пять долларов, часы с мелодией Montana, калькуляторы, одноразовые зонтики (считающиеся многоразовыми) и много другой китайской экзотики.

Но мы и продали кое-что, как истинные купцы новой формации: фетровые шляпы, чеснокодавилки, павловопосадские платки, фотоаппараты Zenit, Зоркий и ФЭД и всё в таком же роде.

Теперь можно и отдохнуть. Фу-у-у-х. Наконец-то с делами разделались, а ещё два дня здесь куковать. Что делать? К кому ни подойдёшь – каждый предлагает свои услуги за рубли, но можно и за юани и даже доллары. Но стоит китайцу к нам подойти, тут же откуда-то вылетает полицейский и без всяких представлений начинает мутузить нахала резиновой дубинкой. Им строго-настрого запретили подходить к иностранцам в неположенных местах, чтобы не обворовывали «святых» бизнес-паломников.

Но сегодня мы отдыхаем. Куда пойти – не знаем. Еда у них исключительно элитная. Куриные консервы, почему-то сладкие, Доширак, шашлычки с кусочками мяса, по форме и размерам похожими на жареных кузнечиков, яйца, которые зачем-то варят на мангале, в каком-то чёрном вареве, никакого желания это попробовать у нас не было. Выпить тоже было у них, например, китайская рисовая водка, от которой наутро голова болит, как от нашей палёной «Столичной», а вот пиво оказалось на удивление хорошим, его и взяли, с какой-то вяленой рыбкой. Сели мы в китайской подворотне, с виду ничем от нашей не отличающейся. Отдыхаем по-царски, сделал дело, бухай смело.

Нас было пятеро, Я, Саня, русский парень, недавно приехавший из Греции, где он мыл трюмы нефтяных танкеров, Тима, молчаливый и высокий интеллигент, Аскер, совершенно безбашенный, но прямой, как палка, во всех смыслах, парень из селения Урвань и Тахир, очень даже неплохой рок-музыкант, невысокий балкарец, плотного телосложения из Тырнауза, с мужественным, небритым лицом, с которого не сходила добродушная улыбка. Тахир достал гитару и начал петь весьма актуальную тогда песню «Scorpions» – «Wind Of Change». На звук песни прибежали молодые китайцы. Судя по всему, только один хорошо понимал по-русски. Попросили спеть «Ой, цветёт калина». Тахир – добрый парень, совершенно беззлобный, спросил:

– Давайте что-нибудь другое вам спою? Это не мужская песня.

Они продолжали настаивать. Не знаю, откуда Тахир так хорошо знал эту песню, видимо приходилось и такое петь в ресторане. А когда он начал петь «Парня молодого-о-о-го, полюбила я», все китайцы покатывались со смеху. Нашим было не до смеха, нам всем показалось, что они просто издеваются. И такая обида и за Тахира и за нас, и за державу у меня образовалась в душе, что я не выдержал, встал, выхватил у Тахира гитару и говорю:

– А давайте я вам народную китайскую песню спою? – все удивлённо посмотрели, но согласились послушать. А у меня ни голоса, ни слуха, да и гитару сроду в руках не держал, но не беда, если надо Родину выручать, и вот я запел фальшиво, но с душой:

Солнце встаёт над рекой Хуанхэ (по струнам бра-а-а-мс),

Китайцы на поле идут. (бра-а-а-мс).

Горсточку риса зажали в кулаке

И Мао портреты несут (бра-а-а-мс).

Уня-няня, уня-ня-ня, уняняняня,

Уня-няня, уня-ня-ня, уняняняня (бра-а-а-мс).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.